

Молодые кадры науки

«В прошлом году мы окончили отечественные политэкономы Московского государственного экономического института. Когда происходило распределение, десять студентов нашей группы подали заявления с просьбой послать их на практическую работу в сельскую местность: ведь настоящим ученым в области политэкономии можно стать, если обладаешь не только глубоким знанием всего достигнутого в общественных науках, но и личным практическим знанием современных производственных отношений и политики. Директор института тов. Морозов одобрил инициативу студентов, подтвердил, что через несколько лет они смогут поступить в аспирантуру, имея за плечами богатый практический опыт, собственноручно добытый материал; пошину успешнейшим был посвящен специальный номер студенческой газеты. А когда шум, поднятый вокруг этого дела, утих, часть товарищей, подавших заявления, была оставлена в аспирантуре. Так было дискредитировано хорошее начинание, так была допущена грубая ошибка в воспитании не только нескольких будущих ученых, но и целого студенческого коллектива, очевидно всей этой истории».

И дальше авторы письма в редакцию — Б. Вальтух, старший экономист облплана, и Л. Долотенкова, председатель горплана, работающие ныне в Горно-Алтайске, — не спеша вынысывая с товарищей по выпуску, не проявивших достаточной твердости в своем решении прийти в науку «с выношенной в самой гуще борьбы за коммунизм темой и идеей диссертации», тематично и доказательно выступают против тепличного выращивания молодых ученых, которое не имеет ничего общего с подлинной заботой о воспитании научных кадров. В этом — главный смысл и принципиальный интерес письма вчерашних выпускников московского вуза, захваченных напряжением большой и важной работы.

В самом деле. Развернувшись на страницах печати обсуждение проблем подготовки научных кадров позволяет уверенно говорить, что едва ли не основная причина недостатков, которыми страдают многие молодые ученые, порождена их келейным воспитанием. Нередко формирование научной смены происходит в кабинетной тишине, в отрыве от коренных запросов практики, в искусственной изоляции от живительного воздействия производственных коллективов. Мы уже не говорим о существующих еще у нас карьеристских, которые выдвигают в кандидатуры диплома пожилого наман на получение легкого хлеба. Такие всеми силами стремятся избежать разрыва между студенческой скамьей и аспирантурой, потому что перспектива участия в практической деятельности ломает их планы стремительного вторжения в среду ученых. Но дело даже не в этих элементах, которые надо разоблачать.

Беда состоит в том, что за последние годы вышлась школа, научно-исследовательские институты и лаборатория делали недопустимо мало для того, чтобы научная молодежь, действительно преданная науке, прониклась сознанием исключительной, решающей роли практики для последующей творческой деятельности. Знание ученого задалось в самом начале жизненного пути молодого исследователя, как бы авансом. Но ведь в науке всегда было так, что прежде специалист методически накапливает знания, обогащается фактами и осмысливает их, создает на этой основе ценные для науки труды, а уж потом, как заслуженный итог многолетней, напряженной работы, приходит к нему высокое звание ученого.

По Украине, Бессарабии, Западью, Северному Кавказу и Центральной России проехал, а больше прошел Вячеслав Докучаев, заявивший целью узнать, как лечит болную землю: в этих скитаниях он, бывший геолог, нашел свои истинные призвания: а идеи, выношенные им, легли в основу новой науки — почвоведения. На остров Гельголанд отправился выпускник Харьковского университета Павел Мечников, чтобы там начать изучение жизни морских животных. Простым учителем гимназии начал свой жизненный путь отец русской авиации Николай Жуковский...

Успех, признание всегда придут к тому, кто берется активно и непритворно любить науку. В подтверждение этого можно было бы назвать имена многих и многих выдающихся представителей советской науки, начинавших свою деятельность вдали от научных центров, положивших годы и годы труда на первичное накопление и исследование фактов...

В речах ильинского Пленума ЦК КПСС партия указала на необходимость направлять молодых специалистов, участвующих в учебных заведениях, как правило, «непосредственно на предприятия и только после приобретения ими достаточного производственного опыта разрешать привлечение их для работы в научно-исследовательские и проектные институты». Это обеспечивает приток в науку зрелых, сложившихся специалистов, способных к самостоятельной творческой деятельности. Задача сейчас состоит в том, чтобы резко улучшить качество общей теоретической подготовки людей, приходящих в науку из жизни.

Социалистическое государство создает все условия, необходимые для плодотворной научной работы, и народ вправе требовать, чтобы в своих знаниях молодая

научная смена стала вровень с веком, чтобы ее широкая образованность, высокая идейность, трудолюбие и упорство были полно, до конца включены в великое дело

борьбы за технический и научный прогресс нашей Родины. Творческое усвоение молодого марксистско-ленинской теории является важнейшим условием завоевания новых открытий, которые умножают созидательные силы советского человека — творца и строителя.

Талантливая молодежь, идущая в науку по призванию, не нуждается в свихоленном к себе отношении. И надо решительно кончать с либерализмом в оценке знаний. Нельзя добросовестный пересказ вузовских учебников и студенческих конспектов признавать достаточным для сдачи кандидатских экзаменов. Нельзя формальные признаки учености, вроде многостраничного перечня источников, приложенного к работе, рассматривать как показатель эрудиции. Выскальзывание научных руководителей, воспитание у начинающих исследователей принципиальности, щепетильного отношения к фактам, высокой научной честности, творческой смелости, опирающейся на твердые знания, на гранитную основу марксистско-ленинской методологии, — все это наилучшим образом сказывается на результатах самостоятельного научного творчества. Выдающиеся открытия молодого ученого Юрия Кнорозова, расшифровавшего письменность народности майя, работы двадцатисемилетнего члена-корреспондента Академии наук Сергея Мергеляна, исследовавшего напих молодых специалистов в области атомной физики могут быть приведены здесь как частные примеры богатой, высококачественной научной продукции, создаваемой на базе глубоких и прочных теоретических знаний.

Энциклопедическая образованность, разносторонность научных интересов, точная осведомленность во всем, что достижимо в данной отрасли знания у нас и за рубежом, боевой, наступательный дух материализма, пронизывающий каждую строку исследования, составляет отличительную особенность творчества лучших представителей передовой отечественной науки. Успешно овладевая опытом своих великих предшественников и старших товарищей, советская научная молодежь упрочает выдающееся положение науки социалистического государства на мировой арене, вносит ценный вклад в дело коммунистического строительства. Естественно рассчитывать, что развитие научного и технического сотрудничества между народами, обмена студентами, молодыми учеными, способности разрядке международной напряженности и улучшению взаимопонимания, будет полезным и для дальнейшего обогащения наших молодых специалистов опытом и знаниями.

Благотворное влияние практики неминуемо скажется в первом же научном исследовании, основанном на личных наблюдениях и самостоятельных размышлениях молодого ученого. Его кандидатская диссертация уже не будет выглядеть, как плоское сочинение на заданную тему, а представит итогом напряженного труда по разрывке потемневшей занавески, выношенной темы. Однако три-четыре года, проведенные молодым специалистом на производственном, не могут питать все его последующее творчество. Реальную перспективу для научного роста имеет только тот, кто на протяжении всей своей жизни стремится держаться практики, как Антей — земли.

Немазовый вопрос для каждого человека, посветившего себя науке, — умение использовать факторы времени, непрерывность в научно-исследовательской работе. Возникает ли потребность изложить в журнальной статье частные, но принципиально интересные наблюдения, являющиеся ли вновь добытые факты на построение оригинальной гипотезы, оформляется ли замысел большого монографического исследования, — для выполнения любой из заданных работ необходима сосредоточенность мысли, деловитая последовательность, строгая, правильная систематичность в труде. Это умение правильно организовывать и использовать свое время необходимо воспитывать у молодежи самым настойчивым образом.

Деятельность молодых исследователей, которые непрерывно обогащают себя опытом и которым есть что сказать, в значительной степени тормозится бездумными, бюрократическими отношениями отдельных издателей и журналов к их творчеству. Лишь в порядке редкого исключения кандидатская диссертация, рекомендованная Ученым советом к печати, выходит в свет; большинство областных издателей вообще не шаянирует выпуск научных работ, давая если она связана с экономической, географией и историей края. Еще не стало твердым правилом, чтобы судьба рукописи решалась прежде всего в зависимости от ее научной ценности.

Путь в большую науку всегда сопряжен с преодолением трудностей не только творческого порядка, — новая идея, новый метод, новое открытие утверждаются в борьбе. Воспитывая у молодежи решимость до победного конца отстаивать все передовое и ценное, что вносит она в науку, руководители научных учреждений, вузов, вся научная общественность должны всемерно содействовать укреплению связи научной молодежи с практикой, с жизнью, коммунистическому преобразованию которой служит советская наука.

Группа солистов Белорусского театра оперы и балета, которую возглавляет народная артистка СССР Л. Александровская, выступит с разнообразной концертной программой.

Вместе с деятелями театра выехала и группа белорусских писателей — П. Бровка, Я. Брыль, А. Кулешов, Ф. Пестрак, М. Танк, И. Шамякин. Они примут участие в мероприятиях заключительного этапа месячника польско-советской дружбы.

Тридцать театров на колесах будут направлены по решению Министерства культуры СССР в будущем году в районы освоения целинных и залежных земель и в другие глубинные сельскохозяйственные районы страны.

Сцена нового передвижного театра сконструирована на обычной грузовой машине. У кузова откинуты борта — и площадка готова. Из тонкостенных стальных трубок легко собирается каркас здания, обтягиваемый брезентом. В зрительном зале — складные

скамья для 500—600 человек. Театр имеет небольшую электростанцию и радиоприемник. Группы Московского гастроляжного театра драмы и комедии, имеющая такую передвижку (с несколькими меньшими зрительными залами), в течение месяца дала 28 спектаклей, обслужив более двенадцати тысяч зрителей.

Новые передвижные театры будут оборудованы на грузовых машинах типа ЗИС-151.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 116 (3461)

Четверг, 29 сентября 1955 г.

Цена 40 коп.

ДОМ ПОД НЕБОМ

НОВЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

Мне не всегда удается понять, о чем говорит ветер. Но как-то вечером он рассказывал мне одну историю...

Это было на улице, окаймленной мирными садами. Во многих городах есть такие улицы. Я знаю, дома не похожи друг на друга. Есть дома безликие и дома внушительные. Одни дома прачущаясь в листья, прикрываются ветвями листвы; другие пригнувшись к земле под тяжестью листвы; третьи, как новую шляпу, надели на себя сверкающую черепицу. Иные украшены резными стенами и деревянными балконами. У иных стены сложены из белого камня или из розового кирпича, а некоторые сделаны из тяжелых сланцевых плит, добытых в горах... И об этом тоже говорил мне ветер. О жилищах людей. Сделанные из лиственницы или из камня, из глины или из пальмовых листьев, они поднимаются к небу. Особенно хорошо смотреть на дома в те часы, когда ложится спать дети. Дома четко выделяются тогда на фоне вечернего неба — неба, к которому тянутся стены домов. Загораются окна, они трепещут, как веки, и угадывают в час сна. И, защищая покой спящих детей, дома располагаются так, чтобы встретить грубую и северный ветер, и лодыж, и лицемерный снег.

На тротуаре, прислонившись к стене, сидела старая женщина.

— Ты видишь эту женщину? — сказал мне ветер. — Ты видишь ее? Она думает о своем доме. Многие женщины думают о своем доме, но эта...

У этой женщины были совсем белые волосы. Она собралась их в тяжелый узел на затылке, но несколько серебряных нитей развевались над ее морщинистым лицом. И видел, как ее веки то опускались, то поднимались, будто она грезила наяву или боялась, что чьи-то образы исчезнут из ее памяти.

Иной торопливый прохожий пошутил бы: ну что же тут особенного — улица как улица и женщина как женщина: она старая, она присела отдохнуть, пока над горлом еще не спустится осеннее сумерки и воздух еще не остынет; вот и все; скотина настанет ночь, и старуха вернется к себе, — вот там, за листьями старого тополя, она, верно, и живет... На улице станет совсем тихо, и трень лягут воль тротуару. О чем же тут еще говорить?..

Муж этой женщины был каменщик. В молодости они оба жили в деревне — не здесь, а очень далеко, на севере моей страны, у спокойной реки, которая текла вокруг садов, обгоя их своими многочисленными ручьями. Ни он, ни она не были богаты: руки да любовь — в этом были все их богатство. Они жили неподалеку от деревни, да и платили за нее недорого: но это было для них временное жилье. Молодой человек говорил: «Терпение, у меня будет свой собственный дом: ведь это мое ремесло — строить дома». Он купил земельный участок на берегу реки и принялся в свободное от работы время строить дом.

Шли месяцы, дом вырастал. Был заложен фундамент; вот уже начали ложиться друг на друга красные кирпичи. У каменщика дело шло быстро. «Вот заработаю за этот день столько-то и куплю то-то», — говорил он. Стены были сложены, на свежий кирпич легла кровля. А женщина, в свою очередь, думала: «Куда у нас будет дом, тогда родится ребенок, и у него будет крыша над головой».

Наконец, настало время штукатурить стены, навешивать ставни и двери, цементировать лоджии, излучину вокруг дома. Дом был готов.

Когда они впервые вошли в него, для них начался иная, новая жизнь. Они были счастливы. Каменщик потирая свои орудийные руки и говорил самому себе: «Ведь это я, я сам все построил, каждый кирпич меня знает, а я знаю, каких трудов мне все это стоило».

Шли годы, дождливые и солнечные. Морской ветер приносил с собой туман; сады омылись дождями. Маленький дом, стоявший в своем скромном уголке, жил собственной жизнью, как и полагается всякому дому. В доме появился ребенок, девочка. Она играла в саду, у стены, сложившей ее отцом. Когда отец возвращался с работы, он еще издали слышал голос своей дочери: потом он видел, как из-за деревьев выступают красные кирпичи.

«Маленький и прочный, чтобы ему стоять долго, чтобы через много лет другие дети могли играть у этих стен, где сейчас играла его дочь».

Думая об этих годах завтрашнего дня, каменщик покручивал усы и унаблюдая: он слышал, как детские голоса говорили: «Мы знаем, этот дом построил наш дедушка, каменщик. Совсем один, в часы досуга...».

И тогда пришла гроза. Не та, что с громом и молнией, — нет, иная гроза, что не считается с временем года. Она обрушилась на страну и захватив своим опустошением города и деревни. Каменщик не был больше каменщиком: он строил теперь совсем другие жилища: он копал землю, он рыл окопы. А жена его отпирывалась в путь — со своей матерью и с дочерью, со всеми жителями этих краев. Они брели по дороге и толкали перед собой тачку, а в небе гремела гроза. «Где они теперь? — думал каменщик. — Куда пригнала их непогода? В какой город их направили?».

А жена думала о своем муже, который месяц теперь не цементный раствор, а белую и желтую землю погибших урожаев.

Жена, ребенок и мать приехали на юг. Как-то устроились они в одном городе. А гроза все бушевала...

Однажды, после долгого ночного периода, каменщик увидел перед собой картину. В утреннем тумане лежала перед ним голая земля. И на этой зарытой парями земле не было ни одного живого дерева — до самых холмов, что высились

глазах стояли слезы. Люди переставали работать, у них опускались руки.

Каменщик вернулся домой в сумерки. Ветер шел с собой вот такой же сентябрьский аромат — аромат спелых плодов и свежего виноградного вина. Каменщик открыл дверь, посмотрел на мать, которая что-то шила, на жену, склонившуюся над швейной машиной. Он положил свою рабочую сумку, поблеснившую от цемента.

— На этот раз — война, — сказал он.

Казалось, что вой спрены исходила из листвы, которая росла перед домом. Будто это она, листва, кричала и завывала. Мать вскопала и подбежала к окну. Ничего не было видно. Дочь стояла у двери, которая была в комнате мальчика. Она не решилась открыть дверь. Вдруг ребенок проснется? Сирена все выла и выла. Начинаясь первый воздушный налет.

Мать засеменила на кухню, взяла с этажерки подсвечник и вернулась в комнату, где она и дочь обычно влоном работали.

— Он проснется, — сказала дочь.

Мать пошла ее по движению губ.

Что же делать? Разве этот квартал под угрозой? Правда, недалеко отсюда много заводов, но все же... На большом лугу, в конце улицы, были вырыты убежища; вот туда и надо было пойти. Там не так опасно. А дочь не раз уже говорила, что не сдвинется с места, — чему верить, того не миновать... Да и в самом деле, они не верили, что на этот квартал могут обрушиться бомбы.

Погас свет. И вдруг сразу перестали выть сирены. А в самой глубине неба родился грохот разрывов.

— Ты слышишь? — сказала мать.

— Да, начали бить по самолетах. Может случиться, что...

Она не закончила. Она не знала, что добавить. Может случиться, что самолеты улетят. Бомбы упадут далеко отсюда.

Ребенок проснулся. Он заплакал. Это сирены разбудили его, это выстрелы его встревожили. Мальчик позвал свою мать, она подбежала к нему, взяла на руки. А разрывы приближались. Теперь стреляли прямо над их головами. Бабушка приложила пальцы к губам.

— Нужно идти, — сказала она. — Слышишь, они совсем близко, над самым домом.

— Но куда идти? — в ужасе спросила мать. — В убежище. Там не так опасно. Если бы не маленький! — А маленький...

Она схватила сумку, кинула в нее свои документы и сбережения. Дочь взяла одежду для ребенка, билос с молоком и последние письма от мужа, пришедшие из Германии. И они побежали воль бездомных домов, а грохот все продолжался...

Когда они вернулись, рассказал мне ветер, когда эти две женщины вернулись... Молодая несла сына, а старая, тяжело дыша, семенила рядом... Дома больше не было. Бомба разрушила все вокруг. Их дом и другие дома были мертвы. Разорванные крыши, проломленные стены, обломки, а среди них — куски привычных, домашних вещей. Старая лампа, сматая кастрюля, обрывок фотокартонки — все это перемешалось с обломками балок, с кусками цемента и штукатурки.

Люди вокруг кричали и звали друг друга. Как-то женщина кричала высоким, пронзительным голосом: казалось, это жаловалась весь квартал, весь город.

Старая женщина ничего не сказала. Ее губы побелели: они были крепко сжаты, крепко сжаты. Сквозь них не могли пробиться слова. Ее глаза искали что-то по сторонам: словно дом мог оказаться перенесенным в другое место.

Ребенок стал плакать. Он тихо и настойчиво жаловался на что-то, и ничем его нельзя было унять. Когда дети плачут, им поют песенку, но им надо плюшевого мишку или погремушку. А здесь нечего было ему дать, оставалось крепче прижать его к себе. Именно так поступила его мать, когда они шагали к своему новому пристанищу, которое нашлось тут же, в городе. Рядом шла старуха и несла мешки и обломки, шла с крепко сомкнутым ртом, губы — суровая жесткая линия.

«Слушай, слушай меня, говорил мне ветер. Я рассказывал тебе историю одного дома, который дважды умирал. Дважды пожег его огонь. Дважды в течение жизни одной женщины рухнула над ней кровля, и стены ей по завыванию безобразия в прах. Обернись назад в своей памяти и взгляни на те годы, когда небо было багровым не от солнечного заката: то был багрянец смерти. Матери уходила в ночную тьму и падала на дорогах, как скошенный хлеб... Нет, не такой хлеб, не такую жатву должен собирать человек...».

Отец вернулся. Он снова начал строить свой дом. Он из крови натеял себе руки лопаткой — так спелый он поскорее закончить дом. Он опять крал кирпич за кирпичем, он размешивал серый цемент и желтый ветной песок, чтобы раствор накрепко схватил кирпичи.

На этот раз отец не погиб. Он был опять с ними: он и теперь с ними. Это на него смотрит старая женщина сквозь печальную ткань своих опущенных век.

Она винит, как каменщик стоит перед своим домом, а на горю спускается осенняя ночь, принос с собой запах созрелых плодов и красных листьев, аромат тяжелых позлащенных переломов, опьяняющий от солнца груш и дальних сельских виноградников.

Ребенок заснул. Она слушает, как трещит в воздухе его стны. Тысячи белых птиц пролетают над его головой. А старая женщина смотрит...

Старая женщина смотрит сквозь войну. Она видит своего зятя-каменщика, она видит всех каменщиков земли, которые охраняют свой дом и свою мечту.

Перевел с французского М. ВАНСМАХЕР

Четвертый съезд Союза писателей Югославии

С 15 по 17 сентября в городе Охрид, в Македонии, происходил четвертый съезд Союза писателей Югославии. Делегаты съезда заслушали доклады: «Десять лет свободной литературы Македонии», «Драматургическое творчество Югославии за 10 лет» и «Югославская литература». С основным докладом, подводившим общие итоги развития литературы за эти годы, на съезде выступил крупнейший сербский критик и общественный деятель Милан Богданович. Он рассказал о том, что за 10 посленесловных лет в Югославии издано около 150 романов и более 300 сборников повестей и рассказов, причем многие из них, как говорит Милан Богданович, по художественной ценности стоят значительно выше произведений, вышедших в довоенный период.

Не останавливаясь подробно на творчестве отдельных писателей, Богданович говорил, главным образом, об основных тенденциях в развитии литературы, о ее реалистических традициях.

Союз писателей Югославии объединяет в настоящий момент 417 прозаиков, поэтов, критиков, это писатели различных литературных направлений, и, как говорит Богданович, в современной югославской литературе «находят свое выражение различные позиции и взгляды более или менее характерные для современной мировой литературы». В ней находят свое выражение почти все литературные течения, начиная с реализма XIX века и кончая всеми видами модернизма.

Известный критик, автор цикла статей по вопросам искусства, Марьян Маткович остановился в своем докладе на достижениях югославской драматургии за истекшие десятилетия, на творчестве драматургов Сербии, Хорватии, Словении и других республик и трудностях, возникающих перед деятелями этой области искусства.

Македонский критик Димитр Митрев рассказал делегатам о первом десятилетии существования молодой македонской литературы. С докладом о книгах для детей и юношества выступила на съезде автор многих произведений поэтесса Миря Алчевская.

Съезд уделял большое внимание вопросу расширения связей с писателями других стран. Около двадцати произведений югославских писателей переведено за эти годы на иностранные языки. Перед новым составом правления союза поставлена задача обеспечить издание журнала, который публиковал бы произведения югославских писателей на иностранных языках.

Съезд избрал новое правление Союза писателей Югославии. На первом своем заседании правление вновь избрало председателем союза известного словенского критика и общественного деятеля Йосипа Вилмара. Заместителем председателя избран Милан Богданович, генеральным секретарем — сербский писатель и поэт Александр Вучо.

Книги ближайших лет

В эти дни в крупнейшем нашем издательстве художественной литературы — Гослитиздате обсуждается вопрос о том, какие книги и в каком количестве получат советские читатели в ближайшие пять лет, начиная с будущего года. Планы намечены большие и очень интересные.

Самым значительным из новых изданий будет «Библиотека мировой литературы», известная еще в 1919 году А. М. Горьким. В издательстве выйдут серии книг «Избранные произведения писателей Англии, Америки, Венгрии, Франции, Италии, Испании, Португалии, Скандинавии, Греции, Франции и т. д.». Был подробно разработан «Каталог издательства «Всемирная литература». Но само издание так и не осуществилось.

Ныне приступлено к реализации горьковской идеи. В «Библиотеку мировой литературы» войдет около 700 названий выдающихся произведений литературы всех пяти континентов. Еще предстоит обсудить на ученых советах ряда научных учреждений принципы построения серии, последовательность выпуска книг, которые, в конечном счете, должны составить, по выражению А. М. Горького, обширную историко-литературную хрестоматию.

Издание рассчитано примерно на полтора десятилетия. В течение ближайших пяти лет предполагается выпустить собрание памятников художественной литературы: произведения античных писателей, наиболее выдающиеся творения эпохи Возрождения, образцы национального эпоса, древнерусской литературы, литературу Запада и Востока и т. д.

В связи с исполняющимся через два года сорокалетием Великой Октябрьской социалистической революции Гослитиздат предпринимает новую серию — «Библиотека советской поэзии». В будущем году выйдут больше десятка книг: стихи и поэмы Блока, Брюсова, Есенина, Д. Бедного, Исаковского, Тихонова, Твардовского и других.

Еще одна новая серия начнет выходить в будущем году — «Памятники мировой эстетической и критической мысли». Первые книги этой серии будут «Поэтика» Аристотеля, «Поэтическое творчество» Буало, «Лекции» Лессинга, статьи по искусству в литературе Плеханова. Готовится к изданию и новая «Историко-литературная библиотека», состоящая из небольших, в два-три печатных листа, книжек по основным вопросам теории и истории литературы.

Около пяти изданий Гослитиздата на ближайшие годы составляет подписание издаваемых в будущем году законченных выпусков собрания сочинений: Аксакова (подписка на которое будет объявлена в конце этого года), Тургенева, Чехова, Вишневского, Горькова, Сергеева-Ценского, Шенюкова, Гоголя и Лондона. Начнут выходить десять новых изданий: Лескова (12 томов), Достоевского (10 томов), Пришвина, Шатинова и Катаева (по 6 томов), Панферова (5 томов), Уилта, Франко и Гейне (по 10 томов), Вазова (5 томов). Будут начаты и завершены собрания сочинений Маяковского, Пушкина, Гоголя, Тургенева, Чехова, Вишневского, Горькова, Сергеева-Ценского, Шенюкова, Гоголя и Лондона. Начнут выходить десять новых изданий: Лескова (12 томов), Достоевского (10 томов), Пришвина, Шатинова и Катаева (по 6 томов), Панферова (5 томов), Уилта, Франко и Гейне (по 10 томов), Вазова (5 томов). Будут начаты и завершены собрания сочинений Маяковского, Пушкина, Гоголя, Тургенева, Чехова, Вишневского, Горькова, Сергеева-Ценского, Шенюкова, Гоголя и Лондона. Начнут выходить десять новых изданий: Лескова (12 томов), Достоевского (10 томов), Пришвина, Шатинова и Катаева (по 6 томов), Панферова (5 томов), Уилта, Франко и Гейне (по 10 томов), Вазова (5 томов). Будут начаты и завершены собрания сочинений Маяковского, Пушкина, Гоголя, Тургенева, Чехова, Вишневского, Горькова, Сергеева-Ценского, Шенюкова, Гоголя и Лондона. Начнут выходить десять новых изданий: Лескова (12 томов), Достоевского (10 томов), Пришвина, Шатинова и Катаева (по 6 томов), Панферова (5 томов), Уилта, Франко и Гейне (по 10 томов), Вазова (5 томов). Будут начаты и завершены собрания сочинений Маяковского, Пушкина, Гоголя, Тургенева, Чехова, Вишневского, Горькова, Сергеева-Ценского, Шенюкова, Гоголя и Лондона. Начнут выходить десять новых изданий: Лескова (12 томов), Достоевского (10 томов), Пришвина, Шатинова и Катаева (по 6 томов), Панферова (5 томов), Уилта, Франко и Гейне (по 10 томов), Вазова (5 томов). Будут начаты и завершены собрания сочинений Маяковского, Пушкина, Гоголя, Тургенева, Чехова, Вишневского, Горькова, Сергеева-Ценского, Шенюкова, Гоголя и Лондона. Начнут выходить десять новых изданий: Лескова (12 томов), Достоевского (10 томов), Пришвина, Шатинова и Катаева (по 6 томов), Панферова (5 томов), Уилта, Франко и Гейне (по 10 томов), Вазова (5 томов). Будут начаты и завершены собрания сочинений Маяковского, Пушкина, Гоголя, Тургенева, Чехова, Вишневского, Горькова, Сергеева-Ценского, Шенюкова, Гоголя и Лондона. Начнут выходить десять новых изданий: Лескова (12 томов), Достоевского (10 томов), Пришвина, Шатинова и Катаева (по 6 томов), Панферова (5 томов), Уилта, Франко и Гейне (по 10 томов), Вазова (5 томов). Будут начаты и завершены собрания сочинений Маяковского, Пушкина, Гоголя, Тургенева, Чехова, Вишневского, Горькова, Сергеева-Ценского, Шенюкова, Гоголя и Лондона. Начнут выходить десять новых изданий: Лескова (12 томов), Достоевского (10 томов), Пришвина, Шатинова и Катаева (по 6 томов), Панферова (5 томов), Уилта, Франко и Гейне (по 10 томов), Вазова (5 томов). Будут начаты и завершены собрания сочинений Маяковского, Пушкина, Гоголя, Тургенева, Чехова, Вишневского, Горькова, Сергеева-Ценского, Шенюкова, Гоголя и Лондона. Начнут выходить десять новых изданий: Лескова (12 томов), Достоевского (10 томов), Пришвина, Шатинова и Катаева (по 6 томов), Панферова (5 томов), Уилта, Франко и Гейне (по 10 томов), Вазова (5 томов). Будут начаты и завершены собрания сочинений Маяковского, Пушкина, Гоголя, Тургенева, Чехова, Вишневского, Горькова, Сергеева-Ценского, Шенюкова, Гоголя и Лондона. Начнут выходить десять новых изданий: Лескова (12 томов), Достоевского (10 томов), Пришвина, Шатинова и Катаева (по 6 томов), Панферова (5 томов), Уилта, Франко и Гейне (по 10 томов), Вазова (5 томов). Будут начаты и завершены собрания сочинений Маяковского, Пушкина, Гоголя, Тургенева, Чехова, Вишневского, Горькова, Сергеева-Ценского, Шенюкова, Гоголя и Лондона. Начнут выходить десять новых изданий: Лескова (12 томов), Достоевского (10 томов), Пришвина, Шатинова и Катаева (по 6 томов), Панферова (5 томов), Уилта, Франко и Гейне (по 10 томов), Вазова (5 томов). Будут начаты и завершены собрания сочинений Маяковского, Пушкина, Гоголя, Тургенева, Чехова, Вишневского, Горькова, Сергеева-Ценского, Шенюкова, Гоголя и Лондона. Начнут выходить десять новых изданий: Лескова (12 томов), Достоевского (10 томов), Пришвина, Шатинова и Катаева (по 6 томов), Панферова (5 томов), Уилта, Франко и Гейне (по 10 томов), Вазова (5 томов). Будут начаты и завершены собрания сочинений Маяковского, Пушкина, Гоголя, Тургенева, Чехова, Вишневского, Горькова, Сергеева-Ценского, Шенюкова, Гоголя и Лондона. Начнут выходить десять новых изданий: Лескова (12 томов), Достоевского (10 томов), Пришвина, Шатинова и Катаева (по 6 томов), Панферова (5 томов), Уилта, Франко и Гейне (по 10 томов), Вазова (5 томов). Будут начаты и завершены собрания сочинений Маяковского, Пушкина, Гоголя, Тургенева, Чехова, Вишневского, Горькова, Сергеева-Ценского, Шенюкова, Гоголя и Лондона. Начнут выходить десять новых изданий: Лескова (12 томов), Достоевского (10 томов), Пришвина, Шатинова и Катаева (по 6 томов), Панферова (5 томов), Уилта, Франко и Гейне (по 10 томов), Вазова (5 томов). Будут начаты и завершены собрания сочинений Маяковского, Пушкина, Гоголя, Тургенева, Чехова, Вишневского, Горькова, Сергеева-Ценского, Шенюкова, Гоголя и Лондона. Начнут выходить десять новых изданий: Лескова (12 томов), Достоевского (10 томов), Пришвина, Шатинова и Катаева (по 6 томов), Панферова (5 томов), Уилта, Франко и Гейне (по 10 томов), Вазова (5 томов). Будут начаты и завершены собрания сочинений Маяковского, Пушкина, Гоголя, Тургенева, Чехова, Вишневского, Горькова, Сергеева-Ценского, Шенюкова, Гоголя и Лондона. Начнут выходить десять новых изданий: Лескова (12 томов), Достоевского (10 томов), Пришвина, Шатинова и Катаева (по 6 томов), Панферова (5 томов), Уилта, Франко и Гейне (по 10 томов), Вазова (5 томов). Будут начаты и завершены собрания сочинений Маяковского, Пушкина, Гоголя, Тургенева, Чехова, Вишневского, Горькова, Сергеева-Ценского, Шенюкова, Гоголя и Лондона. Начнут выходить десять новых изданий: Лескова (12 томов), Достоевского (10 томов), Пришвина, Шатинова и Катаева (по 6 томов), Панферова (5 томов), Уилта, Франко и Гейне (по 10 томов), Вазова (5 томов). Будут начаты и завершены собрания сочинений Маяковского, Пушкина, Гоголя, Тургенева, Чехова, Вишневского, Горькова, Сергеева-Ценского, Шенюкова, Гоголя и Лондона. Начнут выходить десять новых изданий: Лескова (12 томов), Достоевского (10 томов), Пришвина, Шатинова и Катаева (по 6 томов), Панферова (5 томов), Уилта, Франко и Гейне (по 10 томов), Вазова (5 томов). Будут начаты и завершены собрания сочинений Маяковского, Пушкина, Гоголя, Тургенева, Чехова, Вишневского, Горькова, Сергеева-Ценского, Шенюкова, Гоголя и Лондона. Начнут выходить десять новых изданий: Лескова (12 томов), Достоевского (10 томов), Пришвина, Шатинова и Катаева (по 6 томов), Панферова (5 томов), Уилта, Франко и Гейне (по 10 томов), Вазова (5 томов). Будут начаты и завершены собрания сочинений Маяковского, Пушкина, Гоголя, Тургенева, Чехова, Вишневского, Горькова, Сергеева-Ценского, Шенюкова, Гоголя и Лондона. Начнут выходить десять новых изданий: Лескова (12 томов), Достоевского (10 томов), Пришвина, Шатинова и Катаева (по 6 томов), Панферова (5 томов), Уилта, Франко и Гейне (по 10 томов), Вазова (5 томов). Будут начаты и завершены собрания сочинений Маяковского, Пушкина, Гоголя, Тургенева, Чехова, Вишневского, Горькова, Сергеева-Ценского, Шенюкова, Гоголя и Лондона. Начнут выходить десять новых изданий: Лескова (12 томов), Достоевского (10 томов), Пришвина, Шатинова и Катаева (по 6 томов), Панферова (5 томов), Уилта, Франко и Гейне (по 10 томов), Вазова (5 томов). Будут начаты и завершены собрания сочинений Маяковского, Пушкина, Гоголя, Тургенева, Чехова, Вишневского, Горькова, Сергеева-Ценского, Шенюкова, Гоголя и Лондона. Начнут выходить десять новых изданий: Лескова (12 томов), Достоевского (10 томов), Пришвина, Шатинова и Катаева (по 6 томов), Панферова (5 томов), Уилта, Франко и Гейне (по 10 томов), Вазова (5 томов). Будут начаты и завершены собрания сочинений Маяковского, Пушкина, Гоголя, Тургенева, Чехова, Вишневского, Горькова, Сергеева-Ценского, Шенюкова, Гоголя и Лондона. Начнут выходить десять новых изданий: Лескова (12 томов), Достоевского (10 томов), Пришвина, Шатинова и Катаева (по 6 томов), Панферова (5 томов), Уилта, Франко и Гейне (по 10 томов), Вазова (5 томов). Будут начаты и завершены собрания

От лесосеки до фабрики

4. На плотках

Мощный, новейшего типа буксирный паролот «Герой В. Гаврилов» свободно ведет большегрузный плот по Камскому водохранилищу — в этих местах еще недавно шумели береговые рожи или танцуют в лесу темные ели. А сейчас здесь водная гладь. Тот, кто, подобно мне, спускается по Каме на плотках еще лет двадцать назад, не может без глубокого волнения воспринимать эти перемены.

Для того, чтобы отбуксировать такое количество древесины, какое тянет «Герой В. Гаврилов», прежде потребовалось бы четыре-пять караванов и, следовательно, столько же паролотов. Общая длина этих гигантских плотонаравов равна километру. Это радует, конечно, но не так-то просто «заправлять» эти плоты на излучинах реки и уж очень трудно совладать с ним в штормовую погоду.

Обстановочные знаки поставили, да не везде! — поясняет первый штурман паролота Иван Пирогов. — Вот и приходится по каждому банкену, по каждой корявой березе ориентироваться, изучать направление и силу течения. Никакой же судоводительской литературы у нас еще нету...

Редкий плотонарав доходит без потерь древесины до верхнего бьефа плотины. Не всегда обходится без них и «Герой В. Гаврилов», не только потому, что условия воднения плотов здесь не легкие, но и потому, что слюта производится небрежно.

Славя прохладит в короткий период навигации, и славянин заинтересован в максимальном ускорении и упрощении своей работы. Появление водохранилища усложнило обстановку. Нужна новая технология сплава, а ее нет, хотя Научно-исследовательский институт лесосплава и начал ее разрабатывать еще задолго до создания Камского водохранилища. Не объясняется ли такая медлительность тем, что институт сей находится в Ленинграде и сотрудники его, не торопясь, изучают вопрос в отдалении от крупнейшего лесосплавного бассейна страны? Так или иначе, но пользы от этого института камские сплавщики не ощущают.

Вернемся, однако, к рейсу нашего плотонарава. Его порт назначения — Лешиную, у верхнего бьефа Камской плотины. Здесь караван будет расчленен на так называемые «сплюснутые секции» и пропущен вниз.

Чем ближе к плотине, тем меньше течения. И вот, наконец, гигантский плотонарав оказывается почти в стоячей воде. Наступил момент, когда мы

должны продвигаться без помощи течения. Много часов видим мы уже гребень плотины с его ажурной башней над шлюзами, а до конца рейса еще далеко.

Как ни силен «Герой В. Гаврилов», а и он тянет теперь плотонарав со скоростью, не превышающей полтора-два километра в час. Поэтому не было ничего удивительного в том, что от паролота отчалала лодка, на которой агент плота и гребец отправились в село Холмовку за сахаром, с тем чтобы вернуться с берега до того, как мы минем это село.

По тому, как агент и гребец, вернувшись вскоре из села, торопливо ступали по железной палубе паролота, было видно, что на берегу удалось им добыть не один только сахар. После вылазки на берег у агента развалился язык. Каюта у меня маленькая, поэтому, усевшись на койку, я предоставляю единственный стул гостю. Что касается гребца, то тот предпочитает усесться на корточках у двери.

Оправив свой кургузый, давно потерявший цвет пиджак, агент заявляет:

— Ко мне литература не может иметь ничего! В моем плоту 25 тысяч кубометров, и из них баланса — более восьми тысяч! Бумага будет, только пишете. Хотя бы мою жизнь кто-нибудь описал! Двадцать лет я плоты сплавляю. У сплавщиков говорят так: «Дерево любой срубят, а ты попробуй его сплавить». А я так говорю: «Плот любой сплавят, а вот ты попробуй его сдать!». И есть специалисты по сдаче плотов! А дело это великое, сортиментов придумали много, и с ними можно коммерцию делать. Каким образом? А очень просто! Древесина, пока до дела дойдет, несколько раз принимается и сдается, и при каждой сдаче она уже другим сортиментом может пойти. Вот тут и не зевай! Ну я и не зеваю. Чуть оплошал — и убыток! Я-то в убытке не бываю, потому что на приемке у нас специалистов мало. Ну, а к кому тут приходится. Пока все сортименты изучишь — годы пройдут...

Я поглядываю на разоткровенничавшегося агента и вспоминаю лесосеку и плотины. Да, нелегко прожить в таких условиях балансу до бумажной фабрики. И достанутся ли еще эти восемь тысяч кубометров баланса, которые тянет наш паролот, краснокамским бумажникам. — Это тоже покрыто мраком неизвестности...

И. АРАЛИЧЕВ,
специальный корреспондент
«Литературной газеты»
Борт паролота «Герой В. Гаврилов»,
река Кама

Моя улица

Чем она хороша такая,
Улица моя Серпуховская?
Я не так давно
На ней живу,
Но при мне,
Она помолодела,
Липы посадила,
И липству,
Словно шляпу светлую,
Надела.

А еще до этого сняла
Ржавое кольцо трамвайных линий —
И пустила с давнего числа
В плавание троллейбус светлосиний.

И, хотя над ней не растут
Новые подбелые здания,
Значают девушки и тут
Вечерами у метро свиданья.

Не манит рекламной световой
И витринным блеском
не сверкает —
Скромница с прохладною
листой —

Улицы моя,
Серпуховская.
Пусть она
Не очень широка
И легко видны ее границы, —
Но, как в море бурная река,
И она стремится в центр столицы.

Осени предвещаем дыша,
Всем ее повадим потака,
Чем еще
Бывает хороша
Улицы моя
Серпуховская?

Тем, что, уезжая из Москвы,
Слышу я в курьеском за Читою
Трогательный шум ее липств,
Борющейся с первой крастою.
И мгновенье в памяти встает —
Рядом с Красной площадью,
и рядом

С МГУ
у Ленинских высот —
Улицы моя
Под листопадом!

Александр ОЙСЛЕНДЕР

ЧЕСТВОВАНИЕ ПЕТРА ГЛЕБИ

МИНСК. (Наш корр.) Общественность Минска широко отреагировала пятидесятилетие со дня рождения выдающегося белорусского поэта Петра Федоровича Глеби. В театре имени Янки Купалы состоялся вечер, который кратким вступительным словом открыл председатель правления Союза писателей Белоруссии П. Бровка. С докладом выступил А. Велюгин.

П. Глебу тепло приветствовали писатели, представители общественных организаций, театров и научных учреждений Белоруссии. Были зачитаны приветствие Союза писателей СССР и поздравительные телеграммы от писательских организаций братских республик.

В ответном слове юбиляр поделился своими творческими планами и горячо поблагодарил за поздравления.

Исследование об азербайджанских народных мастерах

БАКУ. (Наш корр.) Сотрудники республиканского института архитектуры и искусства Л. Бретаницкий и А. Саламзаде выявили за последние годы около ста неизвестных или давно забытых имен народных архитекторов, живописцев, мастеров художественной обработки металла, резчиков по камню, гипсу и дереву.

Исследователи использовали труды средневековых ученых, записки путешественников, надписи на исторических памятниках. Они установили, в частности, что строителем знаменитой Девичьей башни XII века был Масуд сын Давуда (ранее считалось, что это имя принадлежало правителю, по приказу которого построена башня).

Ученые составили хронологическую таблицу, охватывающую около девяти веков и включающую девяносто шесть имен мастеров из народа.

Большой, щедрый художник

Есть книги, властно подчиняющие себе читателя с первых строк. Таковы именно многие романы, повести и рассказы Сергея Николаевича Сергеева-Ценского, старшего мастера русской советской прозы. Страницы его произведений щедро, через край переполнены живой жизнью. Читаешь — и забываешь про слова, процесс чтения становится незаметным. Разве только изредка останавливаешься перед любовью, на выбор взятой фигурой литературного героя, такой выпуклой, такой осязаемой, тобою ты видишь ее, с такой замысловатой и вместе с тем естественной, непосредственной, своей речью, будто ты ее слышишь, или заручешься, как наяву, неподдельно красочной картиной природы и тогда вспомнишь, что это — живишь словом, и поразимся.

Первые рассказы Ценского появились в литературе накануне революции 1905 года. Сын земского учителя Сергеева, родившийся в тамбовском селе на реке Ине, в юности — сам учитель, Ценский много ездил по Сибири, Средней Азии, Байкалу, северу России, видел жизнь со всей ее тогдашней несправедливостью и принес с собой в литературу множество нерешенных вопросов и мучительную боль за человека. Большой художник, он не мог и не стал отстраняться от этой боли, а значит, и от этих вопросов, но не просто и не сразу открыл для себя людей, призванных обновить жизнь, и поверил в них. Выхода тогда, как «чистого высокого неба», не было, горькое солнце, весны, но где он, писатель не знал, и жизнь представлялась его героям «холодной, ледяной, огромной тучей, похолой за гроб, обитый газетом».

Но уже и здесь, в этом первом рассказе «Тундра», пробивается живой голос: «выдох есть, далеко где-то, но есть».

Недолго ходили по страницам ранних произведений С. Н. Ценского люди усталые, потерявшие веру в будущее. Гораздо дольше самого художника отосидел в деканате Горький говорил об этом:

«Каждый его новый рассказ был написан в другой манере, не похожей на манеру предыдущего... Пораженные необычайностью формы, критики и читатели не заметили глубокого содержания произведений Сергеева-Ценского. Лишь когда появились его «Печаль полей», они поняли, как велико его дарование и как значительны темы, о которых он пишет».

В самом деле, перечитывая сейчас «Лесную топь» и видишь: каждое слово кричит здесь против страшной судьбы милой и забытой девушки Антонины. Слышен здесь и тяжелый мужицкий вздох:

— Эх, земляки бы!

А вот повесть «Сад», и в ней — агроном Шевардин, влюбленный в землю ее великой «дамой силой», в мужицкий труд, в «корявых, засушенных работ», добрых русских баб... Когда-то он думал, что только узеньким людям на земле тесно, а «широкому везде широко». Но скоро пришла к нему другая, обидная мысль: «Огромной и пустой землей владеет, неизвестно почему, один человек, такой же, как те люди внизу, но не любивший земли и живущий где-то вдали. И там, где он не знает, что делать с огромной землей, в глубоких трещинах от тоскы захламляет поля».

Шевардин убит графа-помещика. Нарская цензура запретила журнал, печатавший повесть «Сад», усмотрела в ней «слабый революционизм», от которой был далека еще С. Н. Сергеев-Ценский.

В революционной прозе С. Н. Ценского запечатлен сложный процесс сложившейся интеллигенции, ее лучших, передовых сил, с людьми труда.

Тут писателя был путем неустанных поисков, настойчивого преодоления инопланетных, декадентских влияний, все бо-

К 80-летию со дня рождения
С. Н. Сергеева-Ценского

лее ясно определения идейных позиций художника — борца за революционное преобразование русского общества.

С. Н. Сергеев-Ценский шел к все более глубокому постижению правды жизни в искусстве, обогащая свою палитру новыми красками реалистических средств.

Его становление и рост как художника неразрывно связаны с утверждением на позитивных последовательного реализма.

Любовь С. Н. Ценского к трудовому человеку огромна. Издавна с несолоной душевной радостью пишет он образы мастеровых самых разных профессий. Это и талантливые красками маляр и охотник Тимофей из «Улыбок», и даже грешный и гордый печник Федор из «Негоровляного солдата». Они большие умельцы, знающие, отчего дуплится краска, и где и как помы «сфудовать надо было», и как плиту сложить, но они вовсе не рабы своего труда. И какой-нибудь правильный, рачительный, неуемный в прислужническом рвении, день-денской радостью для порядка на хозяйской усадьбе дворянин Назар словно бы тоже хороший работник, а нет к нему симпатии, потому что не знает он и не умеет рассказать сотен историй о людях и природе, как это делает Федор, не умеет полюбоваться морем и закатом, не прощепчет таинственно и самозабвенно, подобно Тимофею: «Кунье место».

И есть в этих «неправильных» Тимофеев и Федоров своя поэзия, свой бунт против духовной бескрылости, что-то роднее их с героями раннего Горького. Больнолюбивые они, не жалкие.

И есть протест против труда поневоле, бессмысленного, против участия в боту-услугах Игната из «Печали полей», который, подзадержанный товарищами, понес по строительным лесам, на стены будущего винокурного завода орок кирпичей, сколько другие не брали, упол и разбился.

От повести к повести назрела в многогранном творчестве С. Н. Ценского мысль о необходимости преобразования старого мира. В ней-то, конечно, и видел Горький глубокое содержание его произведений.

Накануне первой мировой войны писатель начал свою многотомную эпопею «Преображение России», и еще в рукописи прочитав первый роман, Горький писал ему тогда: «чуть не ревел от радости, что вы такой большой, насковз русский...».

«Начало объявляет Вас продолжать эпопею эту до размеров «Войны и мира». Желаю Вам бодрости... Вы очень большой писатель, очень...».

Сейчас на своей скромной даче в Алустике С. Н. Ценский заканчивает эту многотомную работу. Создана серия романов. Герои их — русские интеллигенты — не похожи на чьих-либо других героев. Они идут своими путями к народу, к революции. Если пророкич Митя Кашнев («Пристав Дерябин», 1910 г.) мог противопоставить дикой силе полицейского пристава только свою духовную чистоту и честность, то прапорщик Ливенцев, созданный писателем позднее, знает, что революция способна сделать лишь вооруженные люди. Художник Сыромолотов впервые пишет на своем холсте рабочую демонстрацию.

И совсем не похожа на коммюнистские искания героев «Вали» и «Обреченных на гибель» — первых романов эпопеи — революционная деятельность инженера Матийцева.

Огромный материал бурной истории первой мировой войны, февральской революции, Великого Октября вбирает в себя эпопея. И когда все романы ее, появившиеся

в печати пока разрозненно, будут соединены и открыты перед взором читателя единым полотном, как распахнется море с горной вершиной в тех краях, где сейчас живет и творит писатель, мы еще раз убедимся в силе его смелого таланта.

Сила же эта тем значительнее, что рядом стоит другая эпопея — «Севастопольская страда».

И «Преображение» и «Севастопольская страда» — не исторические хроники. Все достоверные события в них показаны сквозь судьбы многих и многих людей, любящих, страдающих, воюющих за свое будущее. И все это дано в той своеобразной манере, которая отличает Ценского писателя — эпика и лирика.

Как мастер эпических полотен С. Н. Сергеев-Ценский отличается широким размахом своей кисти. Свободно переносит он действие «Севастопольской страды» из солдатских трагедий в офицерские соборы, на петербургскую дорогу, по которой мчатся царские курьеры, в лагерь неприятеля, в заложуственные русские усадьбы, где зреет крестьянский бунт против крепостничества, и снова на легендарные бастионы Севастополя, ставшего знаменем России. Эпопея военная не обособлена от других проблем всей русской жизни тех лет, и поэтому так ярко показана в ней роль народа — творца истории.

Как лирик, С. Н. Ценский эмоционален в каждом слове. Обличения его безжалостны, любовь к народным героям беспредельно сердечна. Герой произведения — народ, но весь он предстает перед нами в живых, написанных уверенно и щедро образах Нахимова, Корнилова, матроса Кошки, сестры милосердия Лапки...

«Севастопольская страда» на мысленной книжной полке каждого читателя стоит рядом с такими замечательными творениями русской советской литературы, как «Тихий Дон» Михаила Шолохова и «Жокейные по мукам» Алексея Толстого. Различные по жизненному материалу, оригинальные по художественной манере, они прочно связаны творческой традицией великого создателя «Войны и мира».

Героическую эпопею С. Н. Ценского превращают гениальные «толстовские» «Севастопольские рассказы». С одной стороны, это служило автору «Севастопольской страды» опорой, с другой, — надо было иметь писательское мужество, чтобы вслед за Толстым обратиться к этой теме.

Органическое освоение С. Н. Ценским классического наследия глубоко поучительно для наших писателей.

Традиция русской классической литературы живут в творчестве Сергея Николаевича Ценского, в богатстве его языка, в мудрой пронаительности и бережной тактичности, когда речь идет о душевной жизни человека, в любви к родному народу и родной природе.

Многие годы С. Н. Сергеев-Ценский живет в Крыму, и романы и повести его, его поэмы в прозе пропитаны крымским ветром, цветом крымского моря, зноем крымского солнца. Нет другого художника, который сделал бы столько открытий в природе этого края.

Он воспел Черное море и его героев в литературе, творчески преломил любимую краю, как был предан ему Айвазовский в живописи. Но это пристрастие к своему краю не сузило ни одной темы Ценского, наоборот, сделало крылатой его вдохновение, насытило его силой. Есть чему поучиться у него писателям и в этом смысле.

Отмечаем восьмидесятилетие со дня рождения С. Н. Сергеева-Ценского, читателям приветствуют большого и щедрого художника слова и радуются молодости его пера.

Дмитрий ХОЛЕНДРО

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«В НИЗОВЬЯХ ДОНА ГУДЯТ КОМАРЫ...»

Под таким заголовком в номере «Литературной газеты» от 2 июля была опубликована статья писателя В. Фоменко. Многие читатели, письма которых были опубликованы затем в обзоре (номер от 9 августа), сообщали о том, что комары гудят не только в низовьях Дона, но и в ряде других областей и районов страны. Наши читатели справедливо требовали, чтобы Министерство здравоохранения СССР, Министерство сельского хозяйства СССР и их органы на местах приняли необходимые меры по борьбе с комарами и гнусом.

Как сообщила редакция член коллегии Министерства сельского хозяйства СССР тов. А. Бойко, вопрос, поднятый газетой, заслуживает самого серьезного внимания. «В ряде районов страны», — говорится в письме А. Бойко, — двукрылые насекомые наносят большой ущерб животноводству, резко снижая продуктивность скота. Следует признать, что до последнего времени организации борьбы с насекомыми (так

называемым «гнусом») уделялось недостаточно внимания... Сейчас министерство приняло меры к расширению научных работ по этой проблеме, в частности по изысканию новых препаратов для защиты животных от насекомых. В настоящее время уже испытывается на практике ряд новых средств и методов борьбы с насекомыми, в том числе и методы массового уничтожения гнуса на различных площадях. Наряду с этим расширяется заказ промышленности на инсектицидные препараты. В 1956 году намечается организовать комплексную научную экспедицию Всесоюзного института ветеринарной эктопаразитологии, микологии и санитарии в Сибирь для широкого испытания различных средств борьбы с гнусом».

— Однако, — замечает дальше тов. А. Бойко, — этих мер недостаточно. Необходимо привлечь к этой работе научные учреждения других систем и ведомств, институты Академии наук СССР, а также местные организации.

Заметки о литературе

4. МИРОВОЗЗРЕНИЕ И МЕТОД

Несмотря на то, что есть у нас целый ряд больших явлений большой литературы, мы можем понять чувство неудовлетворенности, которое испытывают читатели по отношению к современной литературе, мера ее полнотой народного подвига.

Приходится, к сожалению, признать, что некоторые литераторы еще неполоно понимают существо метода социалистического реализма, особенно теперь, на новом, более высоком этапе развития нашей страны, недостаточное ясно сознают перспективы развития, создают произведения без цельных, больших, по-настоящему народных характеров.

Возьмем, к примеру, повесть Виктора Некрасова «В родном городе». Это — талантливое произведение, но и недостатки его серьезны. Герои произведения, возмужавшие с войны в своей родной город, почти изолированы от общественной жизни. Действительность рассматривается автором сквозь призму их личных неурядиц — бытовых и семейных. Герои Некрасова как будто бы хорошие люди, наверное даже хорошие, добрые люди, они преодолевают трудности, помогают друг другу, но большая сфера их трудовой и общественной жизни затронута автором не сколько; в повести нет могущего дыхания времени, жизнь тупеет, но не преобразуется ради великих целей. Мы вовсе не против показа наших будней, но мы за показ того, как формируется и обживает в них человек нового общества. Труд советского литератора только тогда имеет смысл, когда он освещен великими всечеловеческими идеями нашего века.

Нельзя сказать, что в повести В. Некрасова совсем нет правды жизни, — много бытовых строк и черт по-настоящему. Но все же нет в этой книге, так же как у людей, населяющих ее, больших целей и перспектив. А ведь мы же преобразователи мира. Нартия выдвиг в нас, советских писателей, страстных борцов за будущее, за коммунизм.

Те же слабости свойственны и повесть талантливого драматурга А. Арбузова «Годы странствий», которая широко идет на нашей сцене. Автор выбрал для эпиграфа такие слова: «Куза уходит все дни? (На вопросы детей)». И весь художественный строй повести наталкивает на вывод: дни героев проходят, не оставляя следа.

Склонение. Начало см. №№ 112, 113, 114.

А. ФАДЕЕВ

В повесть показан длительный отрезок жизни советских людей. Большая часть действия происходит в дни Отечественной войны. Но ни война, ни работа научного учреждения, с которыми связаны герои, в повесть, в сущности, не показаны. Все решается в свете проблем личного душевного, хотя опять-таки есть и верные черты советского быта.

В центре находится образ научного работника Велерникова, индигуналста, характер которого к концу повести меняется на душевную сторону. Но остались необъясненными ни опасность этого пережитка, ни даже целесообразность избавления от него, — так все приглушено, не заострено. Автор эмоционален, в повесть есть лирический подтекст, много приятного и много грустного, люди любят друг друга, сходятся, расходятся и опять сходятся, но невольно возникает вопрос: что же хотел сказать автор, во имя чего написана повесть?

Есть произведения, которым присущиного рода недостатки. Мы не можем упрекнуть их авторов в неопределенности замысла. Но в критике действительных пороков они не достигают идейной и художественной глубины. Можно пожелать, например, что такой писатель, как В. Ажар, автор романа «Далеко от Москвы», належал в журнале «Нева» повесть «Творческая личность». Цель как будто ясна: автор хочет разоблачить современного Дон Жуана, потребителя жизни, эгоиста и обывачка, прикрывающего свой эгоизм красивой фразой, а пошлость — фальшивыми чувствами. Герой повести артист, он читает по радио стихи о любви, и люди, которые его слушают, думают, что это человек больших чувств и чистой души.

Улыбаясь его голос по радио, в него влюбляется девушка, которую он впоследствии обманывает. Ситуация не нова: но раз об этом уже писали действительности. Рядом принят закончен в эмоциональном рассказе. Но для повести, выдвигающей серьезную проблему, это примитивно. Автор везуче режиссурует на героине, расхваливая прекрасные черты ее характера. Но хороша героиня, которая влюбляется в позаногого ей человека, даже не видя его. Да и вообще поступки героев повести по-настоящему не мотивированы, развлекать носит характер заплата, а не общественного осуждения виновника.

Возвращаясь к повести В. Некрасова и повесть А. Арбузова, произведения, при-

влекающим внимание читателей и зрителей, хочу не согласиться с тем, что в некоторых литературных дискуссиях эти вещи связывают с чеховской традицией. Это, на мой взгляд, шевроно. Чехов изображал жизнь обыкновенных людей, чтобы поднять их на высоту подлинно человеческой, большой жизни. В произведениях Чехова всегда присутствует он сам, человек с великим сердцем. И не стоит связывать с чеховской традицией книги, авторы которых не понимают нас буднями.

Конечно, мы должны в наших произведениях изображать жизнь самых рядовых людей и их будни, но задача состоит в том, чтобы показать развитие, движение нашей жизни и рост людей. Как прекрасно в свое время написал о таких маленьких людях А. Малишкин! Книга так и названа «Люди из захолустья». Это необыкновенно поэтичная вещь об исчезновении захолустья, продолжает жить и до сих пор. Очень точно определил существо книги А. Малишкина М. П. Калинин: «Здесь удивительно конкретно, в соответствии с жанровой правдой, показан рост людей из маленьких городов захолустья на больших стройках».

В романе «Люди из захолустья» без прикрас показаны самая рядовая, будничная жизнь и в то же время рост людей, идейная борьба своего времени. Герои книги живут интересами народа, большой интеллектуальной жизнью. Тут есть прекрасные образы большевиков, преобразователей жизни. Таких образов нет в тех произведениях, которые я сейчас критиковал.

В связи с теми спорами, которые происходят вокруг произведений В. Некрасова и А. Арбузова, напомню, что писал В. Ермаков о романе Малишкина еще до войны, потому что это выражает и мою мысль:

«В последнее время все чаще стали раздаваться голоса о том, что счастливая жизнь советского человека почти не затронута в нашей литературе... Имя Чехова было упомянуто в связи с вопросом о приемах точного и правдивого изображения действительности. Некоторые из наших писателей сосредоточили внимание на так называемой «будничной стороне» жизни советских людей, исходя из того, что в людях «буднич» выражаются героизм и романтика нашего времени. В кое-каких произведениях эта позиция привела к плохому итогу: вместо возвышения будней до героического получилось снижение героического... до буднично-серого. Боязнь патетики, неумение ощущать патетическое — большой порок для советского писателя. Существует и обратная тенденция, когда героика и романтика отрываются от реальной, повседневной советской жизни и вы-

рабатываются нечто вроде ложно-классического, дже-героического штампа...»

«Люди из захолустья» дают точную, строго-реалистичную картину повседневной жизни рядовых советских людей; герои романа: столар, скромный сотрудник завода, уборщик, профуломоченный, шофер и т. д. Автору романа свойственна упорнейшая, настойчивейшая работа о том, чтобы показать их жизнь в точных бытовых, в том числе наиболее будничных деталях. И вместе с тем вод эта дополняющая повседневность погружена в лирическую стихию, бытовая деталь романтична, и все произведение в целом наполнено возвышенным, патетическим ощущением современности».

Эти слова мне кажутся справедливыми и сегодня.

В своем приветствии Второму всесоюзному съезду советских писателей Центральный Комитет Коммунистической партии говорит о новом типе писателя — страстного борца за дело коммунизма, глубоко понимающего задачи перехода от социализма к коммунизму. Этому художнику нужны знание жизни и передовое мировоззрение. Без марксистско-ленинского понимания действительности он не может успешно работать.

Неумение правильно осмыслить процессы, происходящие в действительности, приводит к серьезнейшим неудачам. В качестве примера такой огорчительной неудачи можно привести рассказ астонского писателя И. Сикема «Нильс». Его герой — рабочий, выведенный как «атакий брэг», возмущен тем, что на улицах много пыли и что улицы не поливаются. На это строитесь весь рассказ: описываются безразличные хождения человека по улицам и различным советским учреждениям. Долго он не может ничего добиться, и в итоге приходит к выводу, что работники всех советских учреждений отравлены пылью равнодушия и бюрократизма.

Такова, с позволения сказать, «критика» отрицательных явлений нашей жизни!

В своем приветствии ЦК КПСС развил и углубил понимание социалистического реализма:

«Продолжая лучшие традиции русской и мировой классической литературы, советские писатели творчески развивают метод социалистического реализма, основоположником которого был великий пролетарский писатель Максим Горький, следуя традициям боевой поэзии Владимира Маяковского. Социалистический реализм требует от художника правдивого, исторически конкретного изображения действительности в ее революционном развитии. Быть на высоте задач социалистического реализма — значит обладать глубокими знаниями подлинной жизни людей, их чувств и мыслей, проявлять проникновенную чуткость к их переживаниям и умение изобразить это в увлекательно дохо-

дательной художественной форме, достойной действительных образов реалистической литературы... и все это дать с должным пониманием великой борьбы рабочего класса и всего советского народа за дальнейшее укрепление сознания в нашей стране социалистического общества, за победу коммунизма. В современных условиях метод социалистического реализма требует от писателя понимания задач завершения строительства социализма в нашей стране и постепенного перехода ее от социализма к коммунизму».

Такого глубокого понимания метода социалистического реализма на современном этапе, к сожалению, недостает и нашим писателям, и нашим критикам, и литературоведам.

Конечно, в нашей критике и литературоведческой науке имеются бесспорные достижения. Не заметить их было бы неверно и несправедливо. Но многие болевые вопросы развития литературы ставятся от случая к случаю, нерешительно и непоследовательно. А они, эти вопросы, требуют того, чтобы мы углубились в проблемы, связанные с характером и спецификой, с теорией искусства.

Мы должны разобраться, почему произведения, созданные в определенную эпоху, переживают ее, остаются жить в веках. Нетленной, живой сила — свойства, особенно присущие именно искусству. Некоторые научные истины, научные основы также сохраняются для будущего, но каждый новый этап научного развития отбрасывает очень многие представления. А созданные в искусстве продолжают жить... Многие не выдерживают проверки временем, а что-то остается, как ценность, на века.

Незаработанность этого вопроса порождает две опасности: с одной стороны, противоречащее лавному марксистско-ленинскому научному мировоззрению желание вывести искусство за пределы надстройки и, с другой стороны, — примитивное, вульгарно-социологическую трактовку искусства без учета его образной природы.

Видимо, этого вопроса не решить без серьезной дискуссии, но она будет полезной только в том случае, если будет опираться на конкретный материал — произведения классиков и современных писателей.

Сейчас совершенно скомпрометировано себя абстрактное теоретизирование о литературе. Такой метод абсолютно неприемлем. Стоит напомнить, что наряду с критиком — революционных демократов, гениальные статьи В. И. Ленина о Льве Толстом — все это пример того, как конкретные обобщения стр

Сила духа и равнодушие

В маленьком зауральском селе Половинном, Усть-Уйского района, Курганской области, группа молодых артистов студии МХАТ, выехавших в районы освоения целинных земель, давала спектакль. В тесном, плохо освещенном зале клуба было душно от дыхания многочисленных любителей искусства — директ, механикаторы МТС, «целинники» зашли за दो часа; сидели в обнимку на лавках и отбоя, что больше уместилось; многие стояли... Со сцены валою просторное слово Маяковского, билось о тесные стены бывшей церквушки... А в автофургоне, под дробный перестук лодкинок по тенту, спешно передевались герои пьесы В. Ровова «В добрый час!». Им предстояло влезть через окно прямо из автомашины в бывший алтарь, ныне представляющий сцену, — другого пути туда не было. Сегодняшний спектакль волновал молодых студийцев. Все здесь было необычно, живо, полно свежести, новизны — и сама обстановка, и горячность приема, и святая непосредственность некоторых реплик из зала, и, главное, особое какое-то ощущение нужности своего дела, святости с залом, почти буквальной...

Артистка Людмила Иванова, читавшая отрывок из «Жатвы» Г. Николаева, обратила внимание на человека, лежавшего в странной коляске из березовых жердей. Тепло бросилось в глаза, как заблужденно слышны скамьи, освободившие проход для этого самодельного ложа, на котором, почти не понимая головы, лежал человек в синей рубашке с очень бледным, худым лицом.

Это был местный поэт Леонид Куликов. Студийцы посетили его на дому. Они сидели в скромной бревенчатой избе. Радиопрямая, стопка книг, пишущая машинка (когда Куликов работает, он ставит ее на ступицу).

Сельский поэт, раскрасневшись, говорил о системе Ставильского, о нашем благодарном зрителе, о будущем своего края (с каким увлечением мечтал он, например, о хорошей дороге, — «асфальт проляжет от Шумихи до Кургана» — он, человек, прикованный к постели!).

Куликов может двигать только кистями рук и почти не поворачивает головы. Вместе со старушкой матерью, эвакуированной из Ленинграда, они так и остались в зауральском селе. Мать учительствовала, а сам Леонид вскоре заслужил уважение у жителей села как культурный, отзывчивый человек, к которому можно прийти с любым сложным вопросом.

Потом узнали, что он пишет стихи. Серьезность и исключительная требовательность Куликова не позволили ему пойти по пути легкого и — увы! — довольно распространенному пути, по которому часто идет заблуждавшаяся масса удачливых рифмистов: он не возмнил себя «житий народным» и не засыпал редакцию плодами зарифмованных соображений о погоде и видах на урожай и политику... Он знал, что поэтический дар — это редкий дар, и не спешил к читателю.

Писет Куликов для детей. В 1952 и в 1955 годах он выпустил две книжки детских стихов в Челябинском и Курганском областных издательствах.

Жанр детской поэзии он избрал, быть может, потому, что круг его непосредственных наблюдений и впечатлений связан больше именно с тем периодом его жизни — детством, когда он был здоров и подвижен. Его сказочка «Как ежик стал колючим» (Челябинск, 1955 г.) остроумна и написана с хорошим знанием детской психологии и детского восприятия. Его «Кораблик» (Курган, 1952 г.) — книга, пропитанная ясным сознанием той связи, которая

существует между детской игрой, направлением детских интересов и «большим планом» — сознательной жизнью гражданина. Стих Л. Куликова не всегда ярок, не всегда самостоятелен, порой излишне дидактичен, но поэта отличает какая-то, я бы сказал, постоянная внутренняя честность, желание говорить просто и скромно.

Думаю, что у детей и у взрослых вызовет хорошую улыбку и начало сказки:

В старину колоколь еж
На ежа был не похож:
Не росли на нем иголки,
А росли они на елке.
Ежик летом и зимой
Бегал в шубке меховой,
Мех был мягкий, мех был гладкий,
И звячек ходил с оглядкой,
Чтоб случайно не похвастать.
В лесу лапы, в вольно пасть.

И образ лисы, что
Говорила ласково,
А зубами ласкала...

И то место, где ежик, политый морковным клеєм, катается под елочкой:

В ланки спрятали нос и глаза
И катался без опаски.

Заячьи мои пробегал,
Удивленно заморгал.
В голове, с боков, на спинке
У ежа торчат щетинки.

— Ты ли это, братец еж?
На кого ж ты стал похож!

Эта заметка — не рецензия на книжку Л. Куликова. Они, быть может, и очень скромная заявка на писательский труд. Цель заметки другая — напомнить о человеке, скромном, упорном, с большой силой духа, превозмогающем несчастье своей личной жизни в желании принести пользу людям.

Но поставить тут точку значило бы не все сказать о судьбе Куликова. Нет, хочется в целях объективности указать и на факты равнодушия, формальности, бюрократизма, мешающие порой видеть живого человека, его судьбу. Ну, у кого, спрашивается, поднимается рука отказать в помощи такому человеку, как Куликов? Мать — теперь пенсионерка — на последние гроши покупает больному сыну книги, необходимые дорогостоящие лекарства. А живут Куликовы, скажем прямо, крайне и крайне трудно. В районе, области руководители многих общественных организаций знают о поэте Куликове из села Половинное, все восхищаются силой его духа. Говорят — и палец о палец не ударяют, чтобы делом помочь Куликову.

Журналист из областной газеты «Красный Курган» тов. Садовский писал в Союз писателей СССР, просил оказать помощь способному человеку, вообще обратиться внимание на Л. Куликова. Пришел ответ, подписанный одним из работников аппарата Союза писателей: пусть Куликову поможет профсоюз, если он член профсоюза... А почему бы ему не помочь через Литфонд?

Да только ли в материальной помощи дело? Конечно, нет. Почему бы Союзу писателей и его комиссии по работе с молодыми авторами не заинтересоваться Л. Куликовым, не помочь ему просто теплым словом участия, вниманием к его работе? «Я еще ни разу не получал внимания в таком масштабе», — остроумно и смущенно писал Л. Куликов посетившим его артистам студии МХАТ. А жал! Люди сильные, бескорыстные, способные на подвиг жизни, люди, подобные Л. Куликову из далекого, неизвестного многим зауральского села, заслуживают внимания и несравненно больше «масштабе».

Владимир ОГНЕВ

Георгий ВЛАДИМОВ

В чем ошибка профессора Орочева?

Новая повесть Геннадия Гора принадлежит к тому разряду вещей, которые затрагивают и буроражат нечто живое, نابовное. Ни для кого не секрет, что в науке изобретение существует не один Ломоносов, Тимирязевы и Эйштейны. Научная печать не раз предавала суду обществу личности, протестующие против научной мысли. Газетные статьи и фельетоны посвящали нас в то, как при известном напряжении ума высказывались на пальца целые диссертации.

Но, помимо газетных фельетонов, об этом должна была появиться жестокая и воинствующая книга. И вот книга на эту тему появилась. Она уже борется, вокруг нее уже завязывается полемика.

Значение повести Геннадия Гора состоит в том, что она с публицистической остротой обличает некоторые типичные пороки в научной среде, жестоко клеймит карьеристов, подхалимов, лжеученых, все гнило, препятствующее развитию подлинной науки. Тема большая, жизненно важная, естественно, привлекающая внимание читателей.

Доброе стеченье, общественно нужную работу Г. Гора так же трудно переписать, как и пройти мимо ее художественных слабостей. Повесть написана неровно, местами торопливо, с такой чрезмерной плотностью повествования, что это напоминает либретто или конспект будущего романа. Живой мысли автора зачастую не на что опереться, не в чем воплотить себя, и тогда она выливается либо в тусклые и поверхностные описания, либо в самые бесхитростные штампы и шаблоны. Сбросить эти слабости со счетов — значит оказать автору плохую услугу, значит игнорировать значение именно художественного выступления, приравнять его к десяткам газетных материалов и этим повредить проблеме, которой посвящена книга.

Повесть имела бы все основания сделаться замечательным памфлетом о проходимцах в науке. Образ молодого аспиранта Степанова, вываливший Гором на страницах повести, достаточно знаком любому из нас. В нем сгруппированы многие черты типичных, ограниченных, усердно размножающихся созданий, которые за счет своей бедности чистое русло науки, сосут ее соки, питаются ее золотыми плодами — увы! — слишком буквальным образом. Перед читателем появляется «высокий мужчина с синими большими глазами, часто сердечно и вежливо смотрящими на мир». Этой чистосердечности хватает, чтобы зарекомендовать себя «качественно и восприимчивым», а мимоходом быстро схватить чужую, еще в процессе оформленную мысль, четко изложить ее, перекрестить и незаметно выдать за свою. Этой вежливости вполне достаточно, чтобы еще в школе «быть любимцем завуча и педагогов», а в институте очаровать профессором благовопительностью, фотографической памятью и безукоризненно точными ответами на экзамене.

В поведении этого героя мы как бы слышим знакомые молчаливые интонации. Умеренность и аккуратность. Чистосердечность и вежливость. Но герой Геннадия Гора уже не только Молчалин. Повесть посвящена его второй стадии, когда «мир необычайно изменился оттого, что вышла книга, на обложке которой было написано: «В. А. Степанов». В этой второй стадии молчаливы-степановы не только осваивают украденную славу. «Советы» у них остались, трусливая «совесть» иждивенца, которая велит им как можно скорее

Г. Гор, «Ошибка профессора Орочева», «Звезда», № 5, 1955; «Советский писатель», 1955.

оборвать пуговницу, связывающую их с обворованным благодетелем. Они облизывают его помощи со всей старательностью, на какую только способны. В дальнейшем судьба их может устроиться двояко: либо спохватившийся благодетель откликнется на вызов и тогда столкнется с талантливим интриганством и клеветой своего питомца, либо он в ужасе отшатнется, решит не вылезать в эту возню, и тогда уже опометчивый питомец, оставшийся наедине со своей трусливой завистью, ослепленный злобой, погубит сук, на котором сидит. В повести Гора случается второе. «Когда Степанов, в последний раз закрыв за собой тяжелую университетскую дверь, увидел набережную, Неву, Исаакий на той стороне... студентом и студентом, сад со старыми величественными деревьями, он вдруг почувствовал, что и ему отобрано не только лекция и семинар, но и эти деревья, здания, Неву, если не весь мир.

— Буду жаловаться, — сказал вслух и слышимому громко.

К сожалению, Геннадий Гор не часто радует читателя такими конкретными, живыми, психологически оправданными описаниями. Читая повесть, очень быстро замечаешь, что автор не дает полнокровных развернутых эпизодов, словно бы избегая показывать героев в действии, в мысли, в желании. Он предпочитает лишь рассказывать о них, отнимая у читателя возможность воочию представить себе героев и отношения, завязавшиеся между ними.

Поэтому самый крупный недостаток повести остается общим местом. Закрывая последнюю страницу, мы знаем о Степановых столько же, сколько знали до этого из газетных фельетонов и статей. Замечательная возможность прозаника — не просто заклеймить отрицательный тип, но раскрыть всю его гнусность в конкретной житейской обстановке, — почти упускается Гором. Его изблюбленный план — общий. На таком расстоянии автор поневоле приходится сразу объявлять читателю, что предлагаемый его вниманию герой — дрянь и бездарность.

Эту приязнительность можно бы и простить, если бы самому Горю не приходилось доказывать, что такие типы, как Степанов, обманчивы, что они повернуты к публике всегда одной стороной. В заглавии повести недаром сказано: «Ошибка...». Ошибка в Степанове профессор Орочев, ошибка жестоко, и надо полагать, что не просто по глупости.

Между тем в повести ошибка Орочева воспринимается как одно из тех величественно-многоэтажных построений человеческой глупости, против которых бунтует всяческий здравый смысл. Не то увидев, что профессор написал диссертацию за своего бездарного аспиранта. Удивительно, что в эту гурьмовую диссертацию он вложил самое дорогое, венец всех своих творений, вершину многолетних трудов, сделав Степанова полноправным наследником своей научной биографии. Это никак не вяжется с характером Степанова, который от первой страницы ясен читателю, как телеграфный столб, и неясен только одному профессору Орочеву.

И как же наказан безнага за это! Редакция журналов возвращает Орочеву его статьи, ссылаясь на то, что «в свете новых фактов, опубликованных в книге В. А. Степанова», некоторые положения статьи Орочева кажутся устаревшими и необъективными». О том же толкуют студенты в коридорах и даже «молодые зорные голоса» в автобусе, от которых Орочев приходится закрыться газетой.

Позднее ему, старому, скажет читатель, пусть не пишет подзаголовка диссертации. Однако читатель окажется неправ. Никаких таких законов не существует в природе. Люди, которые вкладывают свое в труды подопечных, — безразлично, высокими или низкими материями они руководствуются, — делают это из избытка творческих сил и сил, и этого избытка хватит еще на сотни статей, которых ни одна здравомыслящая редакция не возвратит, а даже, напротив, с удовольствием напечатает.

Эти и многие другие детали ясно доказывают, насколько приблизительно изображает писатель отношения между интриганом и интригуемым Степановыми и Орочевыми. Его страницы становятся вихоревыми и поэтическими, когда он обращается к предмету, видимо, особо для него интересному: к искусству палеонтолога, к жизни первобытных народов или современным народам Севера и Алтая. И хотя похождения Симеона Делева или философские расхождения Орочева и Соседкина относительно возникновения религии и искусства не очень вяжутся с главным повествованием, — зачитываясь этими страницами. А затем появляется новая фигура, геолог Рязанцев, и начнется такая душеразрывающая трагедия, что, право, теряешь всяческое ощущение связи с твердью земною.

Этот Володя Рязанцев пишет Степанову с Таймыра трогательные письма, где просит его: «Ради бога, не останавливайтесь на достигнутом», и вскользь замечает, что книга Степанова написана очень неровно, а местами «просто провалы». Разумеется, от этих «провалов» Степанова «перелернуло», но переписка продолжается в тоне безграничной влюбленности таймырского геолога в своего ленинградского кумира. За этим следует тяжелое и бурное разочарование, и вот уже Рязанцев приходит в квартиру Степанова полномочным мстителем за поруганные идеалы. Следует объяснение, которого мы не слышим, но зато слышим старик — отец Степанова, плачущий со слеза от потрясения. Старик умирает, Степанов-младший упрекает Рязанцева в смерти отца и тут же упрямивает его «не предпринимать никаких действий». Каким именно «действием» и почему именно Рязанцев может их предпринять, когда все уже давно известно, остается тайной для читателя.

Откуда такое настойчивое стремление к сугубо драматизму, когда сам по себе факт преуспеяния лжеученого достаточно печален без всякой лавесочной трагедийности! Автору этого кажется мало, и вот он включает в повествование таниственную фигуру некоего Ивана Федоровича Шварца, о котором пишется глупо, что-де ему не повезло в науке именно потому, что «слишком требователен к себе». В былые времена пути его с Орочевым разошлись, и ныне обретается он на задворках повести живым укором преуспевающему сопернику. Шварц предназначается для двух достаточно безвкусных сцен, в которых он с вызывающим смехом спрашивает у Степанова: «Значит, вы считаете, что эта книга на самом деле ваша?» — и, наоборот, со скептической миной, «четко, раздельно, по слогам» отрезает Орочеву: «Нет, не Степанов, а вы!». Более Иван Федорович уже не появляется. Это и была его роль в ампула отверженности прорицателя, роль фальшивая и оставшаяся читателя в полном недоумении.

Разбор повести Гора будет неполным, если обойти молчанием, наверное, самый удачный характер повести. Речь идет о

заместителе декана Овчаренко. Вот где находит себя несомненная авторская озабоченность, вот о ком автор пишет целую диссертацию и то истинно достойно ее. Это святая истина, что такое Захар Захарыч существовали «еще до матриархата». Их юность полна бесполезных трудов и самого чистого убеждения, что они любят науку и приносят ей положительную пользу. То, в чем давно уверены окружающие, доходит до них немного позднее, и тогда они снова, но уже сознательно, обманывают самих себя. Впрочем, не только себя, сначала ученых коллег, потом наивных первокурсников и, наконец, на закате веры, родственников и соседей. Захар Захарыч способен «даже на интуитивизм», они могут и любят безкорыстно помочь, они, наконец, в хорошем смысле слова идеальны. И ввиду он съезжает, провинялся если не способности, то усердие, исполняют сотни поручений и сами дают тысячи, вымывают, «греют», поучают, делают опыты, вычитывают казенщины, рутину и равнодушие... а где-то в глубине их тусклого сознания глест тоска по утраченной инуюшкой мечте о науке. Не в силах заняться ею, они занимаются чем-нибудь около нее и всюду торопятся доказать, что их-де заета тучка, и вот приходится, «щелкая собственными интересами, забросив научно-исследовательскую работу, отлапать самого себя «делам пустопрорывным». В конце концов они приобретают большой жизненный и административный опыт и вместе с ним должное спокойствие оттого, что в этом времени им вполне удается докопаться мечту о науке. Несколько ранее на них махнули рукой окружающие, появив, что не годится ничего путного, но когда люди догадываются об этом, те уже так крепко сидят на своих теплых местах, что борьба с ними весьма затруднительна.

Описав эту колоритнейшую фигуру, очертив с юмором весь жизненный путь Овчаренко, сам автор не придал ему того значения, на которое эта фигура весьма основательно претендует. Слишком уж пренебрежительно относятся к Захар Захарычу в повести, слишком рано и часто обрывают студенты его бесцветные разглагольствования. Ведь подобные люди совсем уж не такие ничтожные, добренькие и безвредные. В конце концов не ошибки и бессвязность Орочева объясняют существование в науке Степанова, а молитвы и хлопоты такого вот Захар Захарыча. Именно они готовят себя из Степановых опору на черный день, продвигают их, делают им поблажки и старательно отрезают истинно талантливые натуры коллегиче права, которых до смерти боялся. И, думается, совершенно напрасно центр тяжести повествования перенесен с муравьиной деятельности Овчаренко на ошибку Орочева, которая к тому же выглядит скорее пороком-таки наваждением, чем ошибкой или заблуждением, коп свойственны простым смертным в обыкновенных житейских обстоятельствах.

Думаю, ошибки и слабости повести Гора — от неуловности изображения некоторых маловажных сторон описываемой им жизни. Это грех поправимый и в дальнейшем случае объяснимый. Первооткрыватели всегда приходят преодолевать препятствия на своем пути. Надо думать, что тем, кто продолжает эту тему вслед за Гором, «Ошибка профессора Орочева» позволит не повторить тех же ошибок и просчетов.

статья объясняется тем, что Балзак, раздвигая политические взгляды аристократов, был, однако, порожден французской революцией и не миновал школу французских просветителей. Если человек способен видеть в действительности то, что даже противоречит его политическим симпатиям, это тоже сторона его мировоззрения.

«Правду человеческую и социальную», — пишет В. Рейзов, — нельзя увидеть простым «физическим» взором. Быт — еще не вся правда, и не в бытоси заключаются главные заслуга Балзака. Правду нужно постигнуть, а это предполагает трудный и сложный акт познания. Балзак «видел неизбежность падения своих изблужденных аристократов и описывал их как людей, не заслуживающих лучшей участи... он видел настоящих людей будущего там, где в это время их только можно было найти». Но это не было актом биологического зрения, бессознательным или, вернее, неразумным постижением действительности. Чтобы «видеть», нужно понимать...

Нельзя ни отделить мирозерпание Балзака от его «метода», ни противопоставлять их. Творчество Балзака уходит своими корнями глубоко в его «философию».

Но это не значит, что творчество Балзака является художественным воплощением его легитимизма. Слова Энгельса не оставляют никаких сомнений: «То, что Балзак был принужден идти против своих собственных классовых симпатий и политических прерасудков... это я считаю одной из величайших особенностей старика Балзака».

Здесь речь идет только о классовых симпатиях и политических прерасудках; они, несомненно, отразились в произведении Балзака, которое является «непрестанной агитацией по поводу непоправимого разрыва высшего общества» (Энгельс). Но легитимизм в балзаковском творчестве был побежден крутой, более сильной стороной его мировоззрения, той философской его «основой», которая находится в прямой связи с революционной философией французского просвещения XVIII столетия.

Вот почему, даже усваивая политическую философию Бональда и мистические учения Сведенборга, Балзак остается полнотным приемником французских философов просвещения — что бы ни говорил он сам в своих политических декларациях. Изучая до конца различные реакционные мыслители на Балзака, мы тем самым указываем границы, за которые это явление перейти не могло и пути, приводящие к крупнейшему легитимистской идеологии в общей системе балзаковского мировоззрения.

Все сказанное, безусловно, правильно. Опыт классиков дорог нам во всех от-

ношениях. Разве не должны мы учиться у нашей классики, критически ее осваивая, изображению положительных героев?

Я не случайно ставлю этот вопрос, потому что в период РАПШа я сам в ряду других рапповцев немало научился здесь в смысле теоретическом. Взяв оценку Плехановым творчества Флора, Золя и других, кто исходил из естественно-научного материализма и поэтому не видел движения общества вперед, не видел новых, переломных людей, которые выводят общество — мы, тогдашние рапповцы, эту совершенно конкретную оценку реалиста Флора перенесли вообще на весь прошлый реализм. Мы говорили: критический реализм способен видеть свой идеал, но то новое, что реально рождается в истории, он не видит; только социалистический реализм и способен это видеть. Такого рода неточные, неверные формулировки, как пережитки прежних книжных представлений, я обнаружил и в некоторых своих высказываниях более позднего времени.

Во многих работах наших литературоведов о Пушкине, Гоголе, Некрасове, Тургеневе убедительно показано, что подобная точка зрения неверна.

И теперь мы прекрасно понимаем неправильность взгляда, будто классики не видели реального героя, рожаемого жизнью. Мы понимаем, что Пушкин — один из величайших идеологов своего переломного общественного движения своего времени, связанного с движением декабристов. И идеология декабризма раскрывается перед нами в творчестве Пушкина. Мы можем говорить о положительных образах у Гоголя. А в 60-е годы XIX века вся литература наша на вожах дерется вокруг положительного героя. Герои революционных демократов — Саша у Некрасова, Рахметов у Чернышевского и. с другой стороны, Базаров, Инсаров и герои романа «Новь» у Тургенева, Марк Волохов у Гончарова — это все отражение борьбы революционно-демократических, либеральных и реакционных сил за или против передовых людей своего времени. Гончаров, например, вопреки правде жизни, очернил героя своего времени. Если бы Гончаров взял Волохова на уровне Чернышевского и Добролюбова, то Веря, конечно, ушла бы с ним. Гончарову ничего не оставалось, как приписать Волохова, Конечно, надо помнить, что революционно-демократические писатели в полный голос не могли сказать о своем герое из-за цензурных соображений.

Верно говоря о новаторской сущности нашей литературы, о том, что она берет героев из живой действительности сегодняшнего дня, мы не должны забывать, что у классиков можно и нужно учиться не только критической стороне их мучающего таланта, но и умению изображать новое, положительное.

Нужно закончить с вулгаризаторским пониманием этого вопроса, с недооценкой

достижений и завоеваний классиков в изображении нового, передового. Это тем более необходимо сделать потому, что вулгаризаторские и нигилистические теории дагубо отражаются на литературной модели. Модель всегда живо откликается на все современное, в этом ее колоссальная сила. Но в ее среде существует и непонимание того значения, которое имеет классическая литература сегодня, и даже иной раз пренебрежение к ней. Многие молодые люди не читают классическую литературу, и многие молодые литераторы не опираются на ее опыт. А этот опыт помогает нам двигаться к вершинам мировой литературы, куда зовет нас Коммунистическая партия. Социалистический реализм вырастает на базе критического освоения этого замечательного опыта, наследниками которого по праву стали советские писатели.

Основные положения теории социалистического реализма были сформулированы в период, когда наша страна еще находилась в первой пятилетке. А сейчас мы вступили в период завершения строительства социализма и постепенного перехода от социализма к коммунизму. И закономерно, что в приветствии ЦК КПСС стезеу писателей говорится о том, как нужно рассматривать вопрос о социалистическом реализме сегодня, в новых условиях.

К сожалению, многие критические статьи, статьи в общем неплохие, неглубоко ставят вопрос о современных задачах литературы в связи с общими задачами сегодняшнего дня.

В книгах нужно искать и находить то, что является действительно приметой времени. Необходимо в первую очередь анализировать произведения, в которых раскрывается о строительстве коммунизма, посмотреть, что нового они дают. Пора глубоко проанализировать крупные произведения, написанные за последние военные годы, книги, где люди жили в сфере трудовой деятельности, где показывались научно-инженерные силы, новаторство производства в их борьбе за передовое, за создание материальных ценностей, произведения, в которых изображается формирование нового типа человека в его новом отношении к труду. Нужно собрать все то, что в этих книгах уже есть хорошего, и обобщить, а с другой стороны — раскрыть наиболее общие недостатки. Выяснить, что является наиболее сильным, но хвалить не за тематическое решение, как у нас еще очень часто делается, а за решение на высоком уровне мастерства.

В сфере общественной, трудовой жизни заключены главные конфликты современности, здесь отчетливо встают вопросы воспитания нового человека. Важно подчеркнуть: вопросы коммунистического воспитания, формирования нового строя мысли и чувств советского человека, борьба с пережитками собственничества, героика

социалистического труда — эти темы сейчас выдвигаются как основные в нашей литературе. Стало появляться все больше книг, ставящих проблемы воспитания, и это не случайно, так как проблемы воспитания и перевоспитания народа в коммунистическом духе писатели связывают с тем, что есть нового в действительности.

Все, относящееся к вопросам воспитания, приобретает сегодня большое значение. Хотелось бы, чтобы эти вопросы острее и глубже ставились и в детской литературе. Писателям пора пристальнее заинтересоваться теми этическими и эстетическими проблемами школьника, тем более, что здесь огромная роль принадлежит как раз литературе и преподавателям литературы.

Среди талантливых людей, которые воспитаны нашим обществом, действительно немало встречается людей, плохо воспитанных эстетически, и в этом виноваты и наша школа и наша литература.

5. О МНОГООБРАЗИИ В ИСКУССТВЕ

Мы сейчас много говорим о разветвленности дискуссий в науке, о разнообразии творческих течений в литературе и искусстве. И это, безусловно, верно и очень полезно. Групповщина, стремление уничтожить или дискредитировать всех тех, кто идет своим, оригинальным решением научной проблемы или теми в художественном произведении, — страшный бич науки и искусства. Но, выступая против архаичности в науке и искусстве, поддерживая решение и риск, мы должны твердо помнить и ясно отдавать себе отчет, что приедем и в хороши те творческие течения, — как бы ни отличались они друг от друга манерой художественного выражения или способами решения научной задачи, — которые исходят из марксистско-ленинского мировоззрения. Мы против «всезнания». Пока существует враждебная идеология за рубежом, она будет проникать и к нам. Необходимо беспощадная борьба со всеми проявлениями чуждой нам идеологии: нельзя врагу открывать лазейки.

К сожалению, далеко не все это до конца понимают. Надо острее ставить вопрос о борьбе с идеализмом в науке, о борьбе со лжеучеными. Вель все это есть в жизни. Из жизни взяты и Грацианский из «Русского деса» Леонава, и Крамов из «Открытой книги» Каверина, и Тонков из «Искателей» Гриняна.

Орочевые выживают и то, что в некоторых статьях, направленных против идеологии и чуждого стиля «а ля рус», обходится вопрос о борьбе против антипартийческих тенденций в искусстве, против космополитизма. Обнада многие слабости биографических фильмов, некоторые критики игнорируют, однако, то, что в них было ценного, — борьбу с низкопоклонством, патристическую направленность. Неужели для того, чтобы сказать правильно

ную мысль о необходимости учиться всему передовому и лучшему на Западе, надо начать ругать все свое?

Только охраняя и защищая идеиную чистоту нашего искусства от воздействия буржуазной идеологии, можно по-настоящему широко и обоснованно ставить вопрос о свободе поиска, о соревновании творческих течений.

Классическая литература отличалась большим многообразием форм, и мы наследуем не только то, что давали прежде реалистические направления, но и развиваем новые формы. Мы, с одной стороны, порой не отдаем многообразия от идеиной «всезнания», а с другой стороны, часто не учитываем творческого своеобразия разбираемого произведения, творческой индивидуальности писателя. В этой связи и хочу остановиться на опубликованной в «Литературной газете» статье С. Кедриной «Идеология трудного вхождения», посвященной поэме «Вершина» С. Кирсанова. В этой поэме речь идет о том, каким путем человечество достигло вершин коммунизма. С. Кедрина правильно удвоила, что главная мысль Кирсанова в том, что этих вершин советский человек достигает тогда, когда постоит в стороне, когда становится борцом за дело коммунизма, вкладывает всего себя в любовь, в труд, в жизнь, во все, что мы создаем, чем живем. Но поэма в целом автор статьи в известной мере недооценил, потому что не учел, что большая гуманистическая тема решается здесь романтическим способом.

С. Кедрина говорит, будто в поэме нет живых людей, что рассказ геолога в «Вершине» не передает характера рассказчика, ибо этот рассказ есть, по сути дела, продолжение авторской речи, со всеми мыслями, присутствующим лирическому герою, со собственными Кирсанову стилизованными приемами.

История литературы знает случаи, когда образы конкретных людей как будто не стоят в центре произведения. Так, в «Демоне» Лермонтова человеческие чувства и страсти запечатлены в романтическом образе Демона. Почему же Кирсанов не имеет права сделать геолога романтической фигурой и вложить в его уста лирические монологи?

«Вершина» — романтическая, лирико-философская поэма. В этой романтической, лирической поэме свойственным ей художественными средствами решается гуманистическая тема. Зачем же прелатать автору другие решения? Я воспитывался на Некрасове, на Пушкине, но я не могу обойтись без «Демона», без поэзии Гюго, без Александра Блока, без Маяковского.

Если верить думать о развитии творческих течений, нужно при критике произведений учитывать, что обязательных решений в искусстве не бывает, нужно

приходить в своеобразные формы, к которой прибегает сам писатель.

Как можно разбираться, к примеру, в творчестве И. Сельвинского, не проглянув в своеобразии формы его произведений? В трагедии «Читая «Фауста»» дано несколько условных фигур, действующих в условной обстановке. Каждый из персонажей выражает ту или иную идею, олицетворяет различные идеологии.

«Читая «Фауста»» — драма идей, а не характеров. Поэтическая условность образов вовсе не грех и не недостаток. Основная слабость трагедии не в этой условности образов, а в том, что художественным образом не хватает подлинно философской глубины, что многие проблемы поставлены поверхностно. Образы иногда терпят философский подтекст. Поэтому поэма не получилась совершенной. Но это — философская вещь, попытка решить большую тему, и к работе поэта надо относиться с уважением: пристрастие, исходя из нового решения, которое нашел поэт, что и почему у него не вышло, а что следует оценить положительно.

Опириуя аксессуарами старой, привычной поэтики, писателю порой отказывают в праве на поэтическую условность. Оплодотворив Сельвинского считают, что в поэзии невозможны такие аксессуары, как яд в перстне. Вряд ли это может кого-либо убедить. Если обратиться к классической литературе, посмотреть, например, «Ахилла» в Театре имени Маяковского, можно увидеть там вещи потрясающие: боратные яды выходят с того света и гуляют. И никто не скажет, что Шекспир не реалист. Почему же не использовать все богатство художественных возможностей, которое нам досталось по наследству, в то же время не копируя расписки классиков?

В поэзии возможны и пропиецкий разговор с богом, как у И. Сельвинского, и сказочные мотивы, как у Н. Хикмета. Такие художественные решения вполне возможны, но обязательно все должно быть жизнеспособно. Среди многих форм может быть и форма условная.

Символическому выражению своей идеи прибегает в талантливой пьесе «Золотая карета» Леонид Леонов. Прежде всего символично само название. В прошлом образ «золотой кареты» олицетворял силу денег, власть чистотана. Выхват в наши дни в «золотой карете» — в старом ее понимании — невозможно. В нашем понимании «золотая карета» — счастье, успех, немилые бед истинной человечности, высокой гуманизм, самоотверженного служения народу. Конечно, эту мысль можно было выразить и средствами бытовой драмы. Но Л. Леонов избрал другой путь, более близкий к поэзии.

Окончание см. на 4 стр.

НЕБО ТИБЕТА! Собственно, небо здесь словно сливается с землей. Высокочше на земном шаре Тибетское нагорье поднимается над уровнем моря на 3—5 тысяч метров. Зато below море облаков колышет у ног путника, здесь, как гласит легенда, кончается свет.

Хотя древнейшие сведения о Тибете, входившем в состав Китайской империи, имелись в китайских летописях, это плоскогорье долгое время оставалось неизвестным в странах Запада. Лишь в XIII веке первые более или менее достоверные вести о Тибете попали в Европу. Серьезным изучением Тибета занимались русские ученые Н. Я. Бичурин, Н. М. Пржевальский и другие.

Шли годы. Десятилетия сменяли десятилетия. А Тибет попрежнему оставался вдали от мировых дорог...

Иная жизнь пришла на земли Тибетского нагорья с победой революции в Китае. Мирное освобождение Тибета в мае 1951 года вернуло его народ в семью народов Китайской Народной Республики.

Много перемен познал с тех пор Тибет. Это обширное и богатое плато было почти отрезано от внутренних районов Китая. Несколько месяцев требовалось, чтобы трудными тропами добраться до верблюда или яка в Лхасу. И вот по решению Центрального народного правительства Китая началось строительство двух посельных дорог: Янь — Лхаса и Синчун — Лхаса (смотрите карту).

Это был небывалый по своему героизму штурм высочайших гор: из-за разреженного воздуха строителям не хватало дыхания; люди перевалили десятки покрытых вечным снегом хребтов, преодолели бедуящиеся в теснинах потоки. На пути вставали скальные барьеры, а бури пытались сбросить патриотов в пропасти.

В конце прошлого года по Сикан-Тибетской и Цинхай-Тибетской дорогам пошли машины. Длина каждой из дорог превышает 2 тысячи километров. Слово серпантин, вытеснившие они по нагорьям на высоте нескольких тысяч метров над уровнем моря. Теперь не месяцы, а дни нужны, чтобы добраться до Лхасы.

Новые дороги расширили горизонты людей, приобщили их к жизни всей страны. Здесь возникают новые города и селения, мирные дымки человеческого жилья манят путника в прежде неведомых местах. Жители Лхасы и Шигадзе, скотоводы и пахари получают теперь шельк Ханчжоу и шанхайскую обувь, изделия Тяньцзиня и другие товары. А на встречу, в центральные районы, идет поток шерсти и кожи, тибетских ковров и лекарственных трав.

«Золотым мостом» назвали тибетцы новые дороги. Престарелый тибетский поэт Авацанжу говорит в своих стихах: «Машины пришли из степей, они прошли через тысячи горных хребтов и десятки тысяч рек, принесли счастье в Тибет...».

По дорогам идут машины. В их кузовах — сельскохозяйственные орудия и ткани, чай и газеты, книги и медикаменты. Посмотрите на снимок справа внизу. Тибетцы только теперь увидели трактор. Группа крестьян и лам окружила «железного яка», поднимающего тысячелетнюю целину. Тракторы доставлены по новым дорогам. А на снимке рядом с грузовика разгружают прибывшие в Лхасу товары...

Китайская Народная Республика растет и крепнет как единое могучее государство, как великая семья свободных и равноправных народов. Осуществляется национальная политика фактического равенства между всеми народами страны. Коммунистическая партия, Центральное правительство Китая заботится о хозяйственном и культурном развитии Тибета. Ведется подготовка к созданию Тибетской автономной области. На берегах Лхасы и Браматпуре поднимаются гидроэлектростанции, в городе Лхаса намечено сооружение завода сельскохозяйственных орудий, кожевенного завода и других предприятий. В Тибет направляются геологоразведочные партии, инженеры-строители, агрономы и учителя.

Среди тех, кто первыми прибыл в Тибет, были люди в белых халатах. Они

Заметки о литературе

(Окончание)

кий его художественной мапери. Он создал образы-символы: полковника Березкина, слепца Тимоши, факира Рахулы.

Для своей трагедии «Верность» и Ольга Берггольд избрала условную форму. Эта форма сама по себе не противоречит социалистическому реализму, обогащая его выразительные средства. Такие поиски своеобразных поэтических приемов заслуживают одобрения и поддержки. И если критиковать трагедию О. Берггольд, то не за условность формы, а за неточность выражения авторской мысли. Предельно опасно только там, где нет доверия к людям, — говорит поэтесса. На мой взгляд, неточна, неполна сама эта мысль, а не форма ее выражения.

Верно все это оценить можно только в том случае, если иметь полную ясность, что социалистический реализм позволяет разными путями выявлять правду.

Ясно, точен не нужно искусственно создавать, изобретать их. Дело в том, чтобы писать правильно наш язык, а не говорить о содержательной форме, а не только о стилистических приемах. Мы не должны оставлять без внимания ни одно оригинальное явление литературы, ни одно явление, мало-мальски выходящее за пределы заурядного. Нельзя уклоняться от решения сложных вопросов, следует различать, что мы берем в свое хозяйство, а что не берем, и почему. Только тогда мы откроем простор для развития многообразия всей нашей литературы.

Однако для того, чтобы внести ясность в вопрос о многообразии искусства, необходимо сделать еще одно уточнение. Да, правду можно выразить разными способами. Но встает вопрос: все ли они будут равноценны?

Следует поощрять то новое, что родилось на театре, но, с другой стороны, мы не должны выплескивать то, что является несомненным завоеванием нашего драматического искусства. Между тем за последние время у нас уделяется очень мало внимания спектаклям, поставленным театрами, наиболее плодотворно развивающим традиции Шекспира, Островского, Станиславского, традиции классического русского реализма.

Очень хорошо, что встретили поддержку такие явления в искусстве, как «Балет» и Театр сатиры, «Гроза» и «Гамлет» в Театре имени Маяковского. Но неправильно,

Э. ЦУККЕР-ШИЛЛИНГ,
главный редактор австрийской газеты
«Эстеррейхше фольксрихтме»

О чем пели зальцбургские трубы

В Зальцбурге недавно закончился ежегодный проводимый здесь театральные фестивали. Снова на площади перед собором была поставлена пьеса Гомманстала «Каждый человек так», снова исполнялись произведения Моцарта, исполнялись мажорски, как и подобает исполнять их в городе, где родился великий композитор. Театральный фестиваль проходил нынче так же, как он проходит каждый год, и все же — совсем по-иному...

Организатором первых Зальцбургских театральных фестивалей был известный режиссер Макс Рейнгардт. Он ввел их вскоре после окончания первой мировой войны. Фестивали — блестящее свидетельство неунасымой жизнелюбивости австрийского народа, богатства его культуры и — в этой области — жизнеспособности его государства, возникшего на развалинах монархии Габсбургов. Австрия — страна с семимиллионным населением, ставшая самостоятельной после распада союза государств, объединенных кровавой габсбургской династией, — с первого часа рождения была вынуждена неоднократно доказывать свою жизнеспособность, да и не только это, но и свое право на существование. Нашей маленькой стране пытались внушить, что она нежизнеспособна (хотя она значительно богаче полезными ископаемыми или водной энергией, чем, скажем, ее сосед — Швейцария), что нет у нее собственной культуры и национальной самостоятельности. Все это говорилось лишь для того, чтобы сделать Австрию легкой добычей германского империализма.

Сен-Жерменский мирный договор, заключенный в 1919 году между западными державами и Австрией, мало способствовал укреплению национального самосознания австрийцев. Сен-Жерменский договор, по существу говоря, не дал австрийскому народу возможности пользоваться богатствами его родины, но зато закрепил право иностранного капитала распоряжаться ими. Одновременно стороны, не заинтересованные в развитии самостоятельной, независимой и процветающей Австрии, позаботились о том, чтобы народ воспитывался в сознании собственного бессилия, зависимости от посторонней помощи и принадлежности к «великогерманской нации».

Такого рода «воспитание» должно было привести к затуханию патриотических чувств у австрийцев, а в дальнейшем — к потере Австрией государственной самостоятельности. Наилучшее, способствовавшее подобному развитию событий, — «саншлюсс», — не сразу было понято австрийским народом. И надо сказать, что непонимание фактов, неверие в собственные силы сохранилось в широких кругах населения вплоть до последнего времени.

Но что наблюдаем мы теперь, после подписания Государственного договора? Этот договор, в основу которого положен постоянный нейтралитет Австрии по отношению к Советскому Союзу и западным державам, впервые дает нашей стране полную возможность использовать свои богатства. Отныне Австрия не будет больше зависеть от иностранных держав, станем на собственные ноги и будем трудиться в собственных интересах. Только сейчас слова великого австрийского национального поэта Франца Гримальдара нашли подлинный отклик в сердцах австрийцев: «Австриец любит свое родину и все основания любить ее». И народ Австрии никогда не забудет, что решающую роль в урегулировании австрийской проблемы сыграл Советский Союз.

В сердцах австрийцев ныне пробудилось гордое и сильное чувство патриотизма, чувство, особенность которого состоит в том, что оно связывает военно приобретенную свободу и перспективы развития Австрии с мирным сосуществованием всех народов. Австрийский народ не только требует от великих держав, чтобы они солидарно и гарантировали провозглашенный Австрией постоянный нейтралитет, но и в свою очередь намерен предпринять необходимые шаги для поддержания мира во всем мире. Быстрое утверждение чувства патриотизма, охватившего все слои народа, является гарантией прочности этого чувства и заставляет думать, что оно будет развиваться и крепнуть.

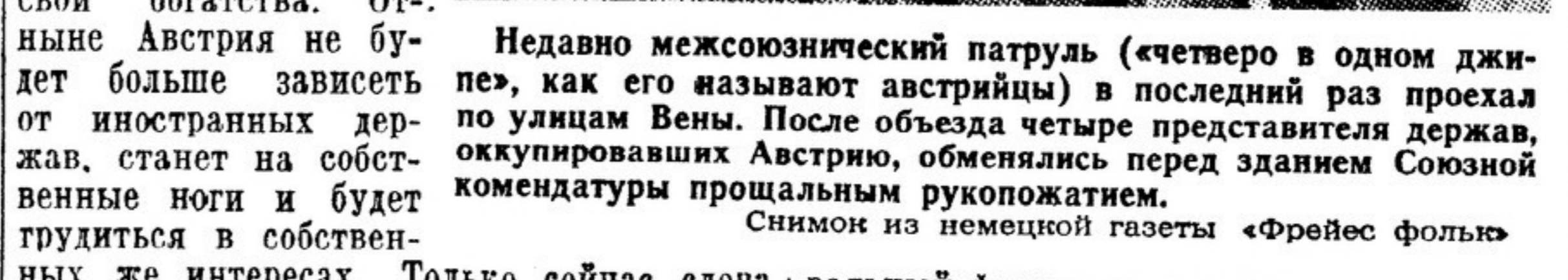
Еще совсем недавно, не более полугодия назад, в Австрии можно было открыто выступать с пропагандой «аншлюсса», чувство национального достоинства беззащитно оскорблялось, объявлялось даже несуществующим. Подобные выступления встречали отпор по преимуществу только со стороны политических деятелей, занимающих передовые демократические позиции.

Когда в начале нынешнего года депутат-неофашист Хартлеб позволил себе затронуть в парламенте о существовании «невидимой границы», которая якобы не отделяет Австрию от Германии, а, наоборот, объединяет эти страны (он имел в виду, естественно, Западную Германию), то это наглое утверждение возмутило лишь депутатов-коммунистов. Сегодня такое открытое отрицание самостоятельности и независимости Австрии просто немыслимо. Такой выпад был бы единодушно отражен всеми депутатами правых партий. Патриотическое чувство народа настолько окрепло сейчас, что даже самые ярые его противники вынуждены с ним считаться.

Страницы многих литературно-политических журналов отражают ту же картину. Все больше литераторов, историков, педагогов и журналистов выступают со статьями, цель которых — поддержать ярко вспыхнувшее чувство австрийского патриотизма. Издания эти признают, что с момента нейтрализации Австрии и передачи ей всех природных богатств, всех фабрик и заводов, бывших ранее германской собственностью и ставших впервые собственностью Австрии, в истории нашей страны открылась новая страница.

Но острей, нежели политические деятели и литераторы, простые люди Австрии чувствуют теперь взаимность событий. Они поняли, что каждый выпад против новой политической позиции Австрии, провозглашившей нейтралитет и отказ от участия в «холодной войне», — это выпад против преисполненного патриотическим оптимизмом и волей к жизни австрийского народа.

Именно этот патриотический оптимизм и придал Зальцбургскому театральному фестивалю 1955 года особую окраску. Долгое время этот город барокко и музыки испытывал тяжелый гнет. Годы войны и немецкой оккупации сменились оккупацией американской. Последние голы песня, напоминающая весенние цветы музыка Моцарта сопровождалась глухими разрывами снарядов, доносившимися с американского полигона. Не дальше чем на расстоянии ружейного выстрела от здания, в котором происходил Зальцбургский теат-

Недавно межсоюзнический патруль («четверо в одном джипе», как его называют австрийцы) в последний раз проехал по улицам Вены. После объезда четыре представителя держав, оккупировавших Австрию, обменялись перед зданием Союзной комендантуры прощальными рукопожатиями.

Снимок из немецкой газеты «Фрейес фольк»

рались фестивалю и в котором чарующая музыка «Волшебной флейты» перенесла людей в мир грес, на древней крестьянской земле раскинулся гигантский американский военный лагерь «Радер-кам». И вот сегодня жители Зальцбурга глазами, полными восторга, смотрят на то, чего еще полгода назад они не могли себе представить даже в разлужном сне: они видят, как из лагеря выезжают тяжелые орудия и танки, машины с солдатами, и они знают, что это — навсегда... В последних числах сентября последний американский солдат покинет австрийскую землю. И никогда больше в Австрии не будут сооружаться военные опорные пункты и Зальцбург больше не будет центром «Альпийской крестности». Он станет прекрасным символом австрийской культуры.

Поэтому неудивительно, что в нынешнем году трубы и флейты Зальцбургского театрального фестивалю нашли особый отклик в сердцах австрийцев. И не только австрийцев. Для всех людей в мире, которые любят и ценят австрийскую культуру и музыку, для всех народов, и в том числе народа Австрии, мелодии бессмертных композиторов звучали песней нерушимого и дилетантского мира.

ВЕНА, сентябрь

НАПИСАННОЕ И ЗАДУМАННОЕ

Находящийся в Советском Союзе известный польский публицист Эдмунд Османчик посетил редакцию «Литературной газеты». В дружеской беседе с сотрудниками редакции он рассказал о своей писательской и журналистской работе, о планах на будущее.

— Недавно в Польше вышли в свет две мои книги. Одна из них — сборник прозаических произведений, главным образом новелл, другая — книга очерков о Женевской конференции 1954 года, посвященной обсуждению проблем Азии и Дальнего Востока. В нынешнем году я побывал в качестве корреспондента на Женевской конференции Глав правительств четырех держав, путешествовал по Канаде и собираюсь до конца года поехать в журналистскую поездку в Западную Германию, а также в Женеву на совещание четырех министров иностранных дел.

Кроме оперативной журналистской работы, я все это время писал большую публицистическую книгу «Польша на Одер и Нейсе», которая должна заключать историю Польши периода второй мировой войны. Книга основана на многочисленных документах, изобличающих предательскую роль реакционной польской эмиграции по отношению к польскому народу.

В книге будет показана боевая дружба польских и советских патриотов, закаленная в совместной борьбе против гитлеровцев. Предполагаю, что книга выйдет в свет в будущем году.

Главный редактор Б. РЮРИКОВ.
Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕВ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, В. ОЗЕРОВ (зам. главного редактора), К. ПАУСТОВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, С. СМЕРНОВ.

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

Франсуа де Жоффе: „Третий раз в Москве“

Редакция «Литературной газеты» посетил французский писатель и журналист Франсуа де Жоффе. Франсуа де Жоффе — автор известной книги «Нормандия — Нема» — в прошлом летчик, участник французского добровольческого полка истребительной авиации «Нормандия — Нема», сражающегося в годы Отечественной войны на советско-германском фронте плечом к плечу с советскими летчиками.

За боевые подвиги в борьбе против германского фашизма Франсуа де Жоффе награжден советскими орденами Красного Знамени и Отечественной войны, а также французскими орденами — Почетного легиона и Военным крестом.

— Я приехал в Советский Союз как друг, как турист и как корреспондент ряда французских газет, — заявил Франсуа де Жоффе. — Это мое третье посещение вашей страны. Впервые я увидел ее в годы войны против германского фашизма. Тогда я был летчиком французского истребительного полка «Нормандия — Нема», воевал против общего врага французского и советского народов. В течение двух лет я вел дневник полка. Материал этих записей использован впоследствии в моей книге «Нормандия — Нема», которая известна советским читателям.

Во второй раз я посетил Советский Союз в 1952 году как корреспондент одной французской газеты. И вот сейчас я снова в Советском Союзе, куда приехал по собственной инициативе. Меня всегда глубоко интересовала жизнь вашей страны. Этот глубокий личный интерес и настоятельная потребность международного сотрудничества побудили меня предпринять эту поездку. В целях знакомства с жизнью вашего народа я хотел бы посетить разные районы Советского Союза, особенно Урал, Кавказ и Крым.

Кроме того, хотелось бы установить здесь личный контакт с журналистами и писателями, а также с летчиками, с боевыми друзьями военных лет. Надо сказать, что эти встречи начались уже в самолете. Первый русский, с которым я встретился, оказался генерал-лейтенантом авиации, бывшим летчиком-истребителем. У нас сразу нашлось много общих воспоминаний.

Мне хочется написать о Советском Союзе для французской печати серию статей, объединенных общим заголовком: «От Москвы 1945 до Москвы 1955 года». Бывший летчик авианепала «Нормандия — Нема» приезжает в Москву как рядовой турист.

— Над чем вы работали в последнее время? — спросил нас Франсуа де Жоффе.

— После «Нормандия — Нема» во Франции вышли в свет еще четыре мои книги. В основу каждой из них легли события, увиденные и пережитые. Взять, к примеру, книгу «Венецула» — страна напрасных надежд, издаваемая в русском переводе издательством «Молодая гвардия». Эта книга, вышедшая во Франции в 1953 году, как и вышедшая год спустя книга «Неизвестный — на борту», является итогом тяжелых переживаний и опасных приключений, а также горьких размышлений, выпавших мне на долю в послевоенные годы, когда я пытался найти свое место в жизни после героики военных лет. Автобиографический характер носит также вышедшая в свет в 1953 году книга «Человек из Балтики», рисующая послевоенные судьбы ветеранов «Нормандия — Нема». Название этой книги связано с прозвищем, которое было дано мне в Советском Союзе. Во время воздушного боя над Кенигсбергом я прыгнул на парашюте с горящего самолета и упал в Балтийское море. Советский солдат спас мою жизнь. После этого случая меня прозвали «Человеком из Балтики».

Наконец, моя последняя книга «От училища до эскадрильи» показывает, как рождается и формируется призвание у молодого человека нашей эпохи.

— Как вы рассматриваете обстановку, создавшуюся в международных отношениях после Женевского совещания, и каковы, по вашему мнению, перспективы развития франко-советских отношений?

— Я не являюсь специалистом в вопросах внешней политики. Но одно совершенно ясно: после Женевского совещания Советского Союза за мир принесла конкретные результаты, и это чрезвычайно важно для дальнейшего улучшения отношений между нашими народами. Я сам много раз выступал за франко-советскую дружбу и буду рад, если отношения между Францией и Советским Союзом будут развиваться в этом направлении.

Правление Союза писателей СССР выражает глубокое сожаление Михаилу Васильевичу Исаковскому в связи с тяжелой утратой — безвременной кончиной его жены и друга

Лидия Ивановна ИСАКОВСКОЯ